

Олег Галетка

Деньги, Куба и литература

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Олег Сергеевич Галетка

Деньги, Куба и литература

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63595743

SelfPub; 2021

Аннотация

Молодой писатель продает авторские права на свою книгу – и оказывается в чужой опасной игре, где на кону – большие деньги и человеческие жизни. Можно сдаться и выйти, а можно сыграть, и даже написать свои правила...

Содержит нецензурную брань.

Олег Галетка

Деньги, Куба и литература

Вот здесь распишитесь. Лощеный мужчина лет сорока пяти протянул пухлую папку. Молодой человек, которому предназначались документы, не отреагировал.

– Николай?! – на лицо мужчины набежала тень беспокойства.

Молодой человек вздрогнул. Секунду возвращался откуда-то из глубин собственного сознания, еще одну изучал протянутую папку, а затем взял документы.

– Распишитесь, – мягко, но уверенно повторил хозяин папки.

Николай обвел взглядом присутствующих. Кроме лощеного адвоката, который подсовывал ему документы, в кабинете сидело трое. Женоподобный коротышка с пухлыми ручками и блестящей залысиной, смазливая нимфа лет двадцати с яркой косметикой и ее папаша – солидный мужчина в дорогом костюме с миной высокомерия на широком лице.

– Николай, вы понимаете, что сейчас происходит?

Николай кивнул. Хотя, если быть до конца честным, он довольно смутно это понимал. Вернее он не понимал, что делает здесь и как смог допустить, чтобы все зашло так далеко.

– Нам не нужно, чтобы через неделю вы заявили, словно мы вас одурачили или силой заставили подписать этот дого-

вор.

– Ну что вы господин Ветров, – встрял коротышка. – Николай просто задумался, он прекрасно себя чувствует, и вчера мы с ним еще раз все обсудили, поэтому...

– Господин, Суриков, – оборвал коротышку лощеный. – Вы кто?

– Как кто?

Коротышка смешно зашевелил губами, пытаясь определить подвох в вопросе.

– Главный редактор, – родил Суриков.

– А я адвокат господина Соломахина, и прошу заметить адвокат на протяжении пятнадцати лет, и за все это время у нас не было серьезных проколов, и поэтому позвольте мне самому решать какие вопросы и кому задавать.

Коротышка налился краской, как монашка в мужской бане. Он смешно выпустил воздух и попытался изобразить мину невозмутимости, но крупные капли испарины на его лбу указывали совсем обратное.

– Я... я ничего такого, я даже в мыслях... – причитал он.

Адвокат вновь упер взгляд в Николая. Тот с интересом листал пухлую папку, пробегая взглядом листы договора.

– Этот документ подтверждает, что вы передаете все права на ваше произведение моему клиенту, вы также обязуетесь хранить в тайне свою причастность к написанию данного произведения. Если же вы нарушите это соглашение, к вам будут применены штрафные санкции, своей подписью

вы соглашаетесь с этим...

Николай снова ушел в себя. Ушел подальше от этого кабинета, жужжания кондиционера, надменности адвоката, высокомерия нимфы и ее папочки.

Он впервые пришел в этот кабинет четыре месяца назад. Он принес рукопись. Рукопись романа или повести? Он сам не знал, что принес. Он принес свои мысли на ста страницах формата А4 двенадцатым шрифтом с полуторным пробелом. Наверное, если бы такие требования к оформлению рукописей были в эпоху Достоевского, то нынешним старшеклассникам было бы намного легче изучать литературу. Половину бы классики просто не приняли в издательствах, и она не была бы напечатана. Так вот он принес напечатанные мысли и оставил у секретаря, или не у секретаря.

А затем он забыл. Забыл о том, что когда-то что-то писал, о том, что ждал ответа, о том, что его мысли могут быть кому-то интересны. Забыл.

Ему позвонили. Обычным июньским днем, его мобильный заужжал неизвестным номером и его попросили приехать. Он помнит этот кабинет.

– Это очень посредственно, очень...

Это были первые слова, которые произнес Суриков в их первое знакомство. Первым же желанием Николая было ударить в морду коротышке. Не в лицо, а именно в морду этому толстому коротышке с лоснящейся залысиной и женскими ручками. Затем здравый смысл решил унять буйство оби-

женного автора и все-таки дослушать. Говорят, и толстые коротышки иногда могут сказать что-то полезное. Все-таки он главный редактор, – продолжал здравый смысл. – Человек, которого кормит слово, к нему стоит прислушаться.

– Посредственность в каждом слове, подобной макулатурой у меня завален весь шкаф...

Ударить в морду захотелось вдвойне. Ударить в нос, чтобы из этой толстой красной картошки полилась она. Кровушка. Полилась по пухлым губкам, гладкому подбородку на идеально белую рубашку. Ударить так, чтобы костяшками пальцев почувствовать, как ломается носовой хрящ.

– Вы меня слушаете? – толстяк повысил голос.

Молодой парень, сидящий напротив, вздрогнул. Было неприятно оставлять такие радужные фантазии, но реальность требовала его присутствия.

– Да, конечно, и очень внимательно.

– Как вас..? Запомнил!

– Николай, можно просто Коля, – парень улыбнулся.

– Так вот, Коля, – продолжал главный редактор. – Конечно, в вашем произведении есть зерно чего-то нового, оригинального, но в целом это сплошная банальщина. Да еще с кучей грамматических ошибок.

– Но ведь редактора их уберет.

– Молодой человек, быть может, вы думаете, что редактора за вас и книгу напишет? Редактора она на то и редактора, чтобы редактировать, а не писать. А редактировать тут

нечего, тут надо писать все заново. Нужен стиль, сюжет, напряжение. А у вас что?

– Что?

– И что у вас за объем?

– Тридцать тысяч слов, мне кажется за таким объемом будущее литературы. Динамика сюжета, отсутствие больших описательных частей. Книга для нового поколения. Молодежь пугают толстые фолианты. А такие романы не утомляют, взял в дорогу, прочел за раз, перешел к следующему.

Толстяк замахал руками.

– Прекратите нести чушь. Я в этом бизнесе почти двадцать лет, и то, что вы говорите – это полнейшая...

– Посредственность, – парень улыбнулся.

Улыбнулся хищно, с вызовом. Толстяк вздрогнул, но продолжил.

– Чушь! – договорил он. – Полнейшая чушь! Интересный роман не утомит никогда! Надо как минимум сто тысяч слов, если вы претендуете на звание писателя романов.

– Так ведь «Алхимик» Коэльо, тоже приблизительно такого объема?

– Вы не Коэльо, – взвизгнул редактор. – А ваше...

Он потряс рукописью Николая.

– Это далеко не «Алхимик», я, почему, с вами так долго говорю, я хочу, чтобы вы поняли, что я не против вас, я за вас. Но вам нужно много и усердно трудиться...

Николай и сам не мог понять, почему очередной редак-

тор очередного издания так долго с ним говорит. Куда подевались короткие сообщения: «Спасибо за ваше внимание к нашему издательству, но, к сожалению, мы не заинтересованы в вашем произведении». Почему этот толстяк уже целых пятнадцать минут лично сотрясает воздух гастритным дыханием, а не поручил секретарше отшить очередного писаку-посредственность электронным письмом.

– Вы снова куда-то пропали, – взвизгнул толстяк.

– Я тут, – ответил Николай. – И я, наверное, пойду.

Он встал.

– Но?!

– Да-да, полировать стиль и подтягивать провисающий сюжет.

Николай протянул руку к рукописи. Толстяк хотел остановить парня, но это бы совсем не вязалось с тем, что он так долго излагал. И он это понял. Понял, и мысленно похвалил себя за мудрость, которая подсказала ему сделать копию рукописи и положить ее в стол.

– Не буду обременять ваш шкаф, – Николай заметил жест редактора. – Унесу эту макулатуру с собой.

– Вы главное, не бросайте писать, и я только хочу вам помочь. А то знаете, как оно бывает, люди под похвалой родственников не замечают реальности...

– Всего доброго, спасибо за советы и потраченное время.

– Никаких проблем, я тут для этого...

Договорить фразу толстяк не успел, двери за парнем за-

крылись.

Николай вышел из кондиционированного холла издательства в раскаленный воздух города. В пяти метрах от выхода стояла старая чугунная урна для мусора. Она черным обгорелым зевом смотрела на парня. Урна была пуста. Николай долго стоял над пугающей пустотой. Затем посмотрел на рукопись, которую прижимал к груди, затем снова в урну. Протянул папку над зевом. Разжал три пальца, удерживая рукопись только большим и средним. От жары кожа стала влажной, бумага заскользила. Николай вздрогнул, поймал папку левой рукой и снова прижал ее к груди.

Николай зашагал к остановке. Идя в тени лип и вдыхая коктейль из ароматов выхлопных газов, пыли города и цветущих деревьев, он пытался определить свое состояние. Что он чувствовал?

Та минутная слабость «обиженного художника» таяла с каждым шагом. Ему было непонятна сама причина сегодняшней встречи. Получать отказы он привык. Но раньше это были короткие уведомления, максимум несколько слов по телефону. Сейчас же его пригласили прийти лично. Быть может, это вселило в него призрачную надежду, с которой было так трудно расстаться.

Он шагал к остановке и точно знал, что последует дальше. Он приедет домой. Будет долго смотреть в окно. Быть может в который раз перечитает свою рукопись. Пожмет плечами. Зайдет на пару литературных сайтов, выборочно начнет чи-

тать чужие произведения. Снова пожмет плечами. Ведь он пишет лучше! Тогда почему? В тысячный раз задаст этот вопрос себе.

А послезавтра он в очередной раз даст себе слово, что больше не будет писать, что это не его, что и правду, человек с твердой тройкой по языкам не может писать интересные книги. Это будет послезавтра.

Но уже через неделю он будет возвращаться с работы и это придет снова. Идея. Зернышко истории, которую он захочет рассказать миру. Две недели Николай будет оберегать это зернышко. Он станет рассматривать его на свет, взвешивать на ладони, прикладывать к уху. Будет сомневаться, а стоит ли сажать его в землю, стоит ли ему позволить пустить корни в его мозгу. А потом через две недели смотрин, сядет писать. Напишет немного, быть может, абзац, или страницу или даже две, но не больше. Но этого будет достаточно. Росток приживется.

Каждый день он будет увеличиваться на одну две страницы. Он будет проникать глубже и глубже корнями в мозг и душу. Николай влюбится в героев. А через два месяца родится роман.

Который снова окажется в столе!

Николай вздрогнул. К остановке подъехала маршрутка, двери распахнулись и парень вошел.

Всю дорогу прижимал папку к груди. Стоял и смотрел на листок рекламы с незабываемым отдыхом. В голове снова и

снова звучали слова редактора. Посредственность.

Вышел на одну остановку раньше, то ли из-за духоты в салоне, то ли надеялся, что на ходу легче избавиться от мрачных мыслей. Зашел в продуктовый магазин, долго выбирал колбасу, словно пытаюсь отыскать в ней нечто индивидуальное. Выбрал.

Квартира встретила пугающей тишиной и спертым воздухом. Окна не открывал, на улице было еще хуже. Бросил папку на стол, разделся и снова вернулся к разговору. Что больше его задело? То, что его обозвали посредственностью или указали на то, что он не пишет, а переписывает чужие заезженные штампы? Графоман. Так кажется, сказал корытщик.

«Вы графоман, батенька! Графоман».

Искал значение этого слова в интернете. Нашел. Долго примерял себя к определению все сходится. Затем открыл книгу какого-то известного модного писателя. Открыл на наугад. Прочитал абзац, отметил штампы, примерил определение графомана. Усмехнулся.

Николай не поленился, встал, долго искал томик Достоевского. «Бесы». Открыл наугад. Четыре раза перечитывал абзац и снова определение графомана подходило к написанному. Захлопнул книгу.

Развязал папку с рукописью, или машинописью, или принтеропечатаностью или нет такого слова. Долго смотрел на стопку листов. Они напоминали ему сломанный снеговик.

Все его в жизни, что не получалось, напоминало ему сломанный снеговик. Правы психологи, когда причины наших бед начинают искать в нашем детстве. Он не был исключением. Этот снеговик-неудач был родом оттуда.

Он строил его два часа. Это была зима. Седьмая или восьмая зима жизни. Зимние каникулы. Редкий снег и пустынный двор. Друзей не было. Кто заболел, кто уехал к бабушке, кто просто сидел дома. А он вышел. Снег грозился растаять, и Коля решил слепить этого снеговика. С первым шаром он перестарался, скатав его размером себе по грудь.

Второй был на подходе. Час он потратил на то, чтобы с помощью санок и веток затащить его на первый. А когда третий шар оказался на месте головы, маленький Коля был мокрым насквозь. Он вставил палки вместо рук. Сходил к пролегающей неподалеку теплотрассе и наковырял незамерзшей земли. Сделал глаза, рот, нос, подобие пуговиц. Изможденный, но довольный результатом сел на санки.

Нужно было идти домой переодеваться. Коля последний раз любовно осмотрел свое творение и пошел домой, таща за собой санки. Он ел горячий борщ и смотрел на снеговика под окнами. Ел. Улыбался и смотрел. Ел и улыбался ровно пять минут. На улицу вышли взрослые ребята, которые за несколько секунд ногами разломали снеговика.

А он сидел и смотрел в окно, как трое прыщеватых юнцов топчут его труд.

Сейчас Николай смотрел на стопку помятых листов, а

перед глазами была куча грязного снега. Смятые старания, смятые чувства.

– Николай, быть может нам все-таки следует перенести нашу встречу?

Адвокат теребил запонку. Николай в очередной раз вздрогнул, долго изучал адвоката, перехватил заинтересованный взгляд нимфы, отметил нервное ерзанье коротышки и почувствовал тяжелый натиск папашы.

– Все нормально, я все слышу и все понимаю.

– Тогда повторите, что я сказал.

– Вы спросили, в какой валюте я хочу получить деньги.

Адвокат кивнул, редактор облегченно выдохнул.

– Мы ждем ответа.

– У вас с собой в какой?

– В долларах.

– Нормально.

Мужчина залез во внутренний карман пиджака. Николай усмехнулся. Не в кейс, не в сумку, а именно в карман. Его купили из кармана. Пригоршней медяков. Николай вздрогнул. Осознание собственной дешевизны неприятно защекотало самолюбие. А может встать, послать всех на х.., порвать контракт и уйти? Да, вот так, бросить им в лицо клочки бумаги и уйти. Остаться при своем. Пусть без этих клочков зеленой бумаги, но с гордостью, с осознанием того, что не променял свой дар на три целковых. Что... Дар? А есть ли дар?

Он снова вернулся туда, откуда начал мыслительную гон-

ку. Снова четыре пары глаз ждали от него действия. А он как девочка-целочка метался между собственным «я» и кучкой долларов напротив.

– Зачем она вам? Зачем вам посредственность, выраженная в тридцати тысячах слов? Что вы будете с ней делать? – спросил он нимфу.

Та лишь фыркнула и отвернулась. Парень усмехнулся.

– Нам нужен не ваш роман, – встрял редактор. – Нам нужна идея. Да, я же вам говорил, что ваш стиль и грамматика желает лучшего, желает намного лучшего. Но Виолетта, – коротышка слащаво улыбнулся.

Девушка ответила кислой миной.

– Так вот Виолетта очень талантливая девушка. Она решила развить вашу тему, так сказать взять зерно рассказа и превратить его в полноценный роман, потому как на данный момент написанное вами нельзя подавать читателю. Это сырые наброски, это...

– Я понял, – перебил Николай.

В комнате снова воцарилось молчание. Все выказывали нетерпение, но ждали. А Николай пытался убедить себя. Вот уже больше двух месяцев он пытался переубедить себя в том, что так начинали почти все. Что из литературного «негра» он выбьется в беллетриста, что это очередная ступень, которую нужно преодолеть, что вон оно. То что он так ждал. Пусть не его имя будет на книжке, но это все равно шаг к успеху, если появились люди, которые готовы платить за его слова. За

его тридцать тысяч слов и пару умных мыслей. Что... что... он продал свой труд за копейки и теперь отрекается от него. И он еще о чем-то думает? Он пытается найти оправдание себе? Он... он еще раз посмотрел на тонкие стопки денег. Две тысячи долларов. Три или четыре месячные зарплаты. Сколько он писал эти тридцать тысяч слов? Два месяца. Дебет сходился с кредитом. Числа окупали себя, но вот только внутреннее «я» не признавало цифр.

Ведь на этой бумаге были не просто слова. Это его мысли, нечто, что он пытался донести миру. То, что миру плевать на это, пока не важно. Главное, что после того как он возьмет деньги, эти мысли перестанут быть его. Он продаст их, он отдаст частичку себя кому-то другому. Даже не кому-то, а конкретной двадцатилетней пигалице, которая дует пузыри из жвачки и брезгливо следит за его метаниями.

А может, хватит этих радужных мечтаний? Может, стоит наконец-то понять, что он не писатель. Он графоман. Человек, пишущий слова, но не романы. И это его цена. Цена за набранный текст. Упорядоченность литературных штампов, которые он где-то когда-то прочитал. Классики рождаются очень редко. А пишет почти каждый.

Николай снова глянул на стопку бумаг. Объем договора был сравним с объемом романа.

– Сколько слов? – Николай хитро подмигнул адвокату.

Тот стушевался, наморщил лоб, свел брови. Мыслительный процесс завладел мужчиной, но вопроса он так и не по-

нял.

– Говорю, сколько слов в договоре?

– Э... – мужчина замялся. – Не знаю, а собственно, какое это имеет значение?

– Интересно!

– Слушай, мыслитель, – отец девушки сказал первые слова с начала встречи.

Вздрогнули все, кроме Николая. Несколько секунд они изучали друг друга. Человек, достигший верхней ступени успешности, и молодой литератор, который понял, что терять ему нечего.

– Наша встреча затянулась! Или ты подписываешь документы или отказываешься, и сообщаем об этом внятно и громко...

– Папа! – вклинилась девушка.

Адвокат и редактор непроизвольно втянули головы, их тела откинулись на спинки кресел, стараясь быть как можно дальше от предполагаемого взрыва гнева. На скулах мужчины заиграли желваки, несколько секунд он боролся с внутренним гневом, а затем громко выдохнул.

– Мне нужен именно этот текст! – девушка сделал вид, что не замечает потуги родителя оставаться в человеческом облики, а не превратиться в орущего монстра с пеной у рта.

– У вас электронный вариант договора есть? – Николай решил играть «на добивание».

Адвокат бросил испуганный взгляд на босса, тот еле ви-

ДИМО КИВНУЛ.

– Да.

– Посмотрите свойства документа, пожалуйста.

Николай изобразил самую вежливую улыбку из собственной коллекции.

Ветров замялся на несколько секунд, затем достал из сумки небольшой ноутбук и раскрыл его.

– Я не знаю, как посмотреть эту статистику, – мужчина с этими словами развернул компьютер к Николаю.

Тот зашел в свойства, выбрал статистику. Усмехнулся. Двадцать семь тысяч слов. Двадцать семь тысяч слов договора на покупку тридцати тысяч слов мыслей, текста, бреда.

Николай поднял глаза. Все ожидающе смотрели на него.

– Я согласен.

Парень поставил две короткие подписи в нужных местах, подхватил пачки денег и встал.

– Я еще раз прошу, чтобы вы со всей серьезностью отнеслись к пункту о неразглашении...

– Я уже забыл.

Снова очаровательная улыбка.

– А Вам Сударыня, удачи с вашим романом. Хотя бы прочтите его!

Николай козырнул и вышел из кабинета.

Они ели молча. Мужчина лет пятидесяти пяти в идеально

скроенном костюме и молодая девушка в растянутой майке и джинсовых шортах. Ели, не спеша, и в то же время было видно, что каждая минута совместного пребывания дается этой паре с большим трудом.

– Как мать? – нарушил молчание мужчина.

– Тебе и вправду интересно?

Девушка отправила в рот оливку из греческого салата. Мужчина неопределенно пожал плечами.

– Я так и думала, – девушка снова уткнулась в тарелку.

Принесли горячее. Сменили приборы, подлили вина.

– Па, а может, упраздним эти обязательные ужины раз в неделю, а? Мне вот двадцать один стукнет через неделю, и я реально вижу, как тебя это напрягает!

Девушка пристально уставилась на отца, который не отрывал взгляда от супа. Даже сейчас поглощая пищу и находясь рядом с дочерью по лицу мужчины отчетливо было видно, что мыслями он далеко.

Девушка, не дождавшись ответа, зачерпнула ложкой суп. Несколько раз вылила содержимое ложки в тарелку и отодвинула ее, так и не попробовав.

– Вкусный суп, между прочим, – мужчина промокнул губы салфеткой и отложил приборы.

Его серые глаза внимательно изучали дочь, которая с каждым днем превращалась в копию матери. За многие годы в бизнесе мужчина научился сдерживать эмоции, но каждая встреча с собственной дочерью до сих пор оставалась для

него мини-стрессом. Сначала его раздражала ее внешность, а именно похожесть на мать, на бывшую жену и женщину, которую он так и не сумел приструнить. Дочь росла, похожесть становилась заметнее, и он привык. Он смирился с ее крутым нравом, капризностью, непослушными и вечно взлохмаченными темно-каштановыми волосами. Он научился спокойно смотреть в эти наглые, но от этого не менее красивые карие глаза. Он научился пропускать мимо ушей колкости и глупые реплики, за которые любой другой мог поплатиться если не жизнью, то, как минимум, здоровьем. Но, несмотря на все это, ему были нужны эти встречи. И сколько бы рациональных доводов он не приводил себе, пытаясь прекратить общение с этой маленькой дрянью, но каждую неделю лично назначал встречу.

Виолетта – еще один каприз ее матери. Даже имя, которое он считал дурацким, со временем стало неотъемлемой частью образа дочери. Иногда он пытался представить как бы хотел назвать дочь, но увы... Лучшего варианта не находил.

– Что хотела бы на день рождения?

Принесли десерт. Виолетта ковыряла мороженое и была где-то далеко. Мужчина в дорогом костюме, ее отец, а по совместительству Соломахин Игорь Викторович – бизнесмен далеко не средней руки, продолжал изучать лицо девушки.

Когда дети растут в достатке их трудно удивить. И с каждым днем рождения это становится все труднее. Мировой

автопром не успевает создавать дамские кабриолеты для ублажения дочерей олигархов. И они вынуждены страдать, рассекая город на однотипным «ауди» и «порше», потому как и «бентли» уже моветон.

Вот и сейчас Игорь Викторович смотрел на взрослую дочь и понимал, что его фантазия иссякла. Он терял интерес в глазах дочери. Ему нечем было ее удивить. В семь лет пони, в двенадцать мальчуковая группа, которая пела весь вечер только для нее. В шестнадцать «порше» с правами, в восемнадцать собственный магазин, двадцать яхта. И вот двадцать один. Он был ей не нужен. Он превращался в ворчливого старика, с которым нужно встречаться раз в неделю, обедать, слушать его упреки, и все это ради того, чтобы на кредитной карте был плюс. Впрочем, яблоко от яблони.

– И я все-таки хотел бы услышать твои пожелания.

Мужчина отложил столовые приборы.

– Я не знаю, – она пожимает плечами.

– Что-то же ты хочешь?

Она снова пожимает плечами. Скука. В последнее время отец ее раздражал. Она не могла понять, почему все бояться его. Этого почти старика с вечно недовольным лицом и вспыльчивым характером.

Что он мог ей предложить? Очередной автомобиль или бутик? У людей валом денег, а фантазии ноль. Даже новая модная фишка – превращение в звезду – считалась плохим вкусом. У Виолетты уже две подруги записали свои первые

альбомы и снялись в клипе. Уныло. Тем более она не умела петь, а собственного ума хватало на то, чтобы не выставять себя посмешищем и не лезть в шоу-бизнес. Она не желала становиться очередной звездушкой в стрингах с богатым папой за кулисами.

Она хотела нечто свое. Но не банальный овощной магазин или салон «как бы» итальянской одежды. А нечто новое, чего еще нет у них в городе. Она хотела нечто.

– Удиви меня, – она улыбнулась.

Игорь Викторович вздрогнул, на мгновение ему показалось, что перед ним сидит бывшая жена. Мороз неприятно защищал спину.

– Кондиционер поубавь! – попытался скрыть испуг за криком мужчина.

Охранник, сидевший через столик, метнулся к кондиционеру.

– Я уже доела! Тарелку проверять будешь? – издевалась дочь.

Мужчина сжал плотно губы, желваки затанцевали на его щеках.

– Ну, тогда пока па-па.

Девушка обворожительно улыбнулась (копия мать – подумал мужчина), встала из-за стола и уверенным шагом направилась к выходу. Игорь Викторович раздраженно скомкал салфетку.

Он хотел ее удивить. Даже не удивить, а доказать, что он

лучше, он важнее, он главнее ее матери. Этой стервы, которую он так и не смог сломать под себя. Хотел доказать, что в этом мире он может то, на что не способна ее мать. Никогда. Мужчина оглядел зал. Ресторан был пуст, только его собственная охрана тревожно следила за боссом. После встречи с дочерью Игорь Викторович всегда оставался на взводе.

– Эй, – Соломахин свистнул круглолицему охраннику и махнул рукой.

Тот вопросительно ткнул себя пальцем в грудь, растерянно глянул на напарника, и получив от босса утвердительный кивок, подошел к его столику.

– Садись.

Парень сел.

– Жена есть? – Соломахин изучал своего телохранителя.

Имя парня он не помнил, не запоминал принципиально, никогда не интересовался личной жизнью, никогда не здоровался.

– Нет, – парень замотал головой.

– А баба есть постоянная?

– Девушка есть, – кивнул парень.

– Баба, девушка... Какая на хер разница!? День рождения когда у нее?

– Был два месяца назад, – удивленно отвечал охранник.

– И что ты ей подарил?

– Цепочку с кулоном.

– И все? – Игоря Викторовича раздражала осторожность

в голосе подчиненного.

Он сам толком не понимал, зачем позвал этого узколобого кандидата в мастера спорта по тайскому боксу. Он не верил, что этот увалень сможет чем-то ему помочь, но идей не было, а значит, годились любые варианты. Мозговой штурм, так кажется, это называется.

– Да, – отвечал парень.

– Ну, а так чтобы удивить там? Ну, я не знаю, машину цветов, или поздравления на радио, или на крайняк под ее окнами краской что-то написать?

– Н-не-е, – гундосил охранник.

– Ясно, свободен.

Парень встал, секунду мялся в нерешительности, опасаясь того, что босс не все сказал, а затем отошел к напарнику.

Нужна была идея! Мощная, которая бы в корне изменила отношение дочери к нему, к отцу, к реальному мужчине, который может в этом мире все. Кроме как, подчинить эту крашеную сучку, свою бывшую жену. Мысль снова больно уколола самолюбие мужчины. Он громко втянул воздух сквозь зубы и встал из-за стола. Зашагал к выходу, охрана заспешила к дверям.

Маленький толстый мужчина игриво улыбнулся и разлил виски по стаканам. Лед в них давно растаял. Гладкая поверхность стола была присыпана белым порошком, словно

на столе месили тесто, а после нерасторопная хозяйка плохо вытерла муку. Большинство столов VIP-зоны модного клуба были в таком порошке. Внизу ухала музыка, а здесь в кабинках люди находились в собственных мирках, в которые вели белые дорожки и цветные колеса.

Рядом с мужчиной сидели две девушки. Одна пухлая блондинка в вечернем платье с большим вырезом декольте, а вторая худосочная рыжая особа с завышенной самооценкой и полным отсутствием груди. Толстяк обнимал блондинку за место предполагаемой талии, и каждый раз, когда девушка прикладывалась к стакану с виски, поглаживал ее огромную грудь, свисающую до колен. Несмотря на такую демонстрацию симпатии к блондинке, взгляд мужчины не отрывался от подруги. Плоская рыжая девушка бросала в его сторону презрительные взгляды и на всякие проявления внимания лишь фыркала.

– И вы реально можете нам помочь? – скривилась рыжая.

– Конечно, мои рыбки.

Потная ладонь толстяка легла на худую ногу рыжеволосой. Та наморщилась, но руку не сбросила.

– Вы просто не представляете кто я в мире литературы, я бог... я...

– Литературы?! – встрепенулась худая и брезгливо откинула руку мужчины.

Слащавость улетучилась с лица толстого коротышки. Он напрягся, убрал руку с талии блондинки и удивленно замор-

гал глазами.

– Литературы, – запинаясь, выдавил он. – Я, Суриков Вениамин Павлович, главный редактор издательства...

– То есть ты не занимаешься кино и клипами?

– Я? Не-ет.

Блондинка все еще не понимала, куда клонит рыжая, но хорошо знала, что означает ее тон – веселье закончено. Она инстинктивно отодвинулась от симпатичного толстячка, в целом ничего не имея против него и его щедрой выпивки. Но рисковать отношениями с подругой не хотела.

– Помилуйте, но ведь я и не говорил, что...

– Так какого ты падлю руки распускаешь? – заводилась рыжеволосая.

– Я думал, я надеялся, что у нас взаимная симпатия, что вы дамы находите мою компанию...

– Тебя сука с собаками не найдут! Лапать он меня вздумал!

Девушка со злостью расстегнула сумочку и засунула в нее руку. Мужчина непонимающе крутил головой, и чуть слышно причитал.

– Помилуйте, да что я сделал не так? Я главный редактор, я могу вас прославить получше всякой леди Гаги, я же не отказываюсь от своих слов... Куда вы звоните?

Рыжая прикладывала телефон к уху.

– Это просто недоразумение, давайте все обсудим. Зачем нам кто-то еще?

Блондинка не отпускала стакан с виски.

– Это я, – отрапортовала в трубку девушка. – У меня проблемы...

– Да какие проблемы? Я готов все компенсировать, мне не нужен скандал...

– Да, боров тут один руки распускает...

– Да что вы такое говорите? Это недоразумение, я думаю, что мы как взрослые образованные люди все решим сами...

– Мы в «Апельсине», хорошо ждем, – рыжая нажала отбой.

Через десять минут двое мужчины выволокли главного редактора на улицу. Они тянули его через всю вип-зону, затем по ступенькам и зал. Охрана клуба отворачивалась, а знакомые перешептывались, указывая в сторону вершителя литературных судеб. Никто не пытался их остановить.

На стоянке было тихо. Сурикова толкнули на асфальт. Он упал, неловко поджал ноги и прижал пухлые ручки груди. Сейчас он был похож на толстого щенка сенбернара, которого злые хозяева забрали у матери и вывезли продавать. Над ним возвышались огромные люди, а он весь такой маленький и беззащитный сидел на грязном асфальте и дрожал.

– Рассказывай, – большой мужчина в черной футболке и красных спортивных штанах обратился к девушке.

– А где вы так долго ездили? А если бы меня тут убивали? – возмущалась рыжая.

– Слушай, сестренка, – ответил спортсмен в красных шта-

нах. – Я ведь сейчас не посмотрю, что ты моя родственница, и схлопочешь по фейсу. Ты достала, у тебя что не день, то приключения. Панты поубавь и жить будет легче.

– Что? Что ты сказал? Я позвоню, матери и все ей расскажу, как ты меня защищаешь! Братец, блин, кролик! Вали тогда. Я сама разберусь...

– Надо было раньше разбираться, а не вызванивать, а теперь рассказывай.

– Да пошел ты, – рыжая отвернулась.

– Это недоразумение, – подал голос редактор.

– Заткнись, – напарник спортсмена, пнул ногой Сурикова.

– Катька, что тут было? – спортсмен обратился к блондинке.

– Да ниче, – пожала плечами девушка.

– Слушай кобыла! Я пол города за десять минут пролетел не для того, чтобы услышать «ниче», – передразнил обладатель красных штанов. – Или вы сейчас все рассказываете или я вас троих ушатаю.

Катька глянула на подругу, та фыркнула, мол, делай, как хочешь.

– Мы мартини пили в «Апельсине», – начала Катька. – Тут этот подошел, типа предложил подняться на «випку» вискаря бухнуть. Мы и согласились. Ля-ля тополя, то да сё, он и говорит что типа из бомонда, типа продюсер...

– Я прошу прощения, но я не говорил что я продюсер, я представляю издательский дом «Продакшнбук», – встрял

Суриков, улыбаясь.

– Заткнись, тебя пока не спрашивают!

Напарник спортсмена снова лягнул редактора ногой.

– Во-во, – подхватила Катька. – Так и сказал. Ну, мы давно с Машкой твоей...

– Мэри, – огрызнулась рыжая. – Машка – это та, которая с ляжкой, а я Мэри! Сколько раз можно повторять!!! Я – Мэри!

– С сеструхой твоей, короче, давно хотели в клипе или в сериале, на крайняк, сняться, ну и... с этим козлом сидим.

– Ляжки развели и вискарь трескаете, так? – брат Машки усмехнулся.

– Да пошел ты! – Мэри.

– Ну и че там дальше? Он кастинг прям в «Апельсине» устроил?

– Лапать он меня начал, – огрызнулась Мэри. – А потом еще и говорит, что книжки тупо печатает.

– Помилуйте девушки, это же наклеп, это же наговор. Я главный редактор!

Напарник спортсмена занес ногу для удара, но брат Мэри его остановил.

– Я очень влиятельный человек в литературном мире, – продолжал Суриков. – Я могу обеспечить вам славу не меньшую, чем у актеров. Я знаю как работает система, я все могу. Позвольте мне, это просто недоразумение.

– Короче, – оборвал спортсмен. – Ты сестренку мою обес-

честил, ты понимаешь это?

– Помилуйте, это был дружеский хлопок по коленке, я ничего такого...

– Так, тихо!!! Я говорю, ты слушаешь! Слушаешь и соглашаешься!! Понял?

Вениамин Павлович кивнул.

– Ты папаша не прав! Тебе пора в такое время дома сидеть внуков нянчить и кефир на ночь пить, а ты малолеток тискаешь! Это неправильно! Это сестра моя, моя кровинушка! Ты не ее опозорил, ты мою семью опозорил, ты меня опозорил!

– Я готов принести извинения...

– Молчать! Извинений мало, тут моральный ущерб, поэтому если хочешь, чтобы этот ущерб не был у тебя на лице, завтра сюда принесешь пять косарей зеленью, понял?

– Да за что? Помилуйте, такие деньги, я ведь...

Напарник снова пнул редактора ногой. Тот вздрогнул и закивал головой.

Спортсмен нагнулся и ловко извлек из нагрудного кармана пиджака мужчины визитку.

– Гы, Вениамин Павлович! Еврей что ли?

– Я русский! – обиделся Суриков.

– Короче твои данные у меня есть, так что бегать не советую, ну все до завтра.

Четверка оставила редактора на асфальте и направилась к черному «БМВ».

Игорь Викторович еще раз обвел всех подчиненных взглядом. Те, словно школьники, перед вызовом к доске прятали глаза. Наверное, со стороны это выглядело смешно, но никто не улыбался. Подчиненные привыкли к крутому нраву босса, и даже на первый взгляд абсурдные задачи руководителя воспринимались с серьезным выражением лица. А сегодня шеф был особенно не в духе. В большой комнате для переговоров собралось человек пятнадцать. Начиная от топ-менеджеров заканчивая начальниками охраны и секретаршей Танечкой.

Игорь Викторович сидел в огромном кресле, которое не оставляло сомнений, кто здесь начальник. Задача была проста. Так начал свое обращение Соломахин.

– Мне нужна идея хорошего подарка для дочери.

Мужчина ждал ропота, но собравшиеся выражали внимание, словно придумывать подарки для избалованных дочерей олигархов это первый пункт в их должностных инструкциях. Реакция Соломахину понравилась.

– Итак, мне нужна идея, что-то необычное, чем можно удивить. Лимита по деньгам нет, но идея должна цеплять. Банальности типа новой машины и ужина с каким-то напомаженным певцом не принимаются. Мне нужен настоящий крети...

Мужчина запнулся, глянул на секретаршу.

– Креатив, – пришла на помощь та.

– Точно, он самый! Самому креативному, вашу мать, пять косарей зелени и неделя в Турции за мой счет. Отсюда никто не выйдет, пока идея не будет у меня на столе. Можно пользоваться телефонами, интернетом, факсом, да чем угодно. Я весь во внимании.

Игорь Викторович откинулся на кресло.

– Круиз?

Директор вещевого рынка, часть которого принадлежала Соломахину, испуганно огляделся по сторонам. Он сам понял банальность своего ответа, но было уже поздно. Слова стайкой пугливых воробьев разлетелись по комнате, все замерли. То, что директор высказал очевидную глупость, понимали все.

Игорь Викторович долго сверлил взглядом немолодого мужчину в расстегнутом, вернее не застегивающемся на животе, пиджаке. Затем медленно поднес указательный палец к своим губам и закачал головой. Директор тяжело сглотнул, вытер рукавом пиджака испарину на лбу и опустил взгляд.

– А если такой банальный круиз чем-то разбавить? – подала голос управляющая двух магазинов бытовой техники.

Мощная дама лет сорока смело смотрела в глаза боссу. То ли уверенность в своей идее, то ли тот факт, что она пару раз занималась сексом с человеком во главе стола, вселяли в нее столь опасное чувство, как смелость.

– Чем разбавить? – босс раздражался все сильнее.

– Можно выбрать не заезженный маршрут, добавить экст-

рима, ведущих пригласить хороших, заехать на какие-то острова, устроить что-то типа «Последнего героя» или...

– Нет, – оборвал Соломахин. – Мне не надо чтобы моя дочь умерла где-то от укуса какого-то гада или попала в плен к черножопым пиратам. Дальше.

Присутствующие прятали глаза. Время шло, а идей не было.

– В общем, меняем тактику! – босс громко стукнул по столешнице. – Каждый встает, говорит идею и сваливает!

Соломахин перехватил полные надежды взгляды директора рынка и бывшей любовницы.

– Да! Вы можете быть свободны! Спасибо!

Пара взрослых людей чуть ли не вприпрыжку выскочила из кабинета. Соломахин мрачнел. Оставался еще один вариант – прибегнуть к помощи профессионалов! Но даже у него, у человека, не экономившего на бюджете корпоративов, последние вызывали устойчивое отвращение. Одни и те же конкурсы, одни и те же артисты, одна и та же скука.

Остальные подчиненные продолжали молчать. В конце стола начальник охраны, мастер спорта по рукопашному бою, призер чемпионатов мира, несмело поднял руку. Игорь Викторович не любил этого человека. С детства натерпевшись в школе унижений от таких вот «бойцов», он старался всячески отомстить сейчас. Но реальность была такова, что без такой вот пехоты ему не продержаться и недели в отечественном бизнесе.

Единственная причина, по которой начальник охраны оказался тут – это точное следование секретаршей слов «обзвонить все по аварийному списку». Что он мог предложить? Снять телок и завалиться в сауну, дать им в рот и обосать камни в парилке. Все!

– Да, Дмитрий! – выдавил Соломахин.

– Я тут это на днях кренделя одного прессанул, – начал Дмитрий. – Ну, как прессанул, он к сеструхе моей начал клинья подбивать, руки там распускал...

– Короче и по сути! – прорычал Игорь Викторович.

– Да, ща, это как раз суть! Я не знаю, насколько это вам поможет, но тот штемп заряжал, что типа может мою сеструху и ее дуру подругу типа звездами писательницами сделать! Говорит я не последний чел, и могу все сделать! Вот! Ну, я не слушал особо, да и сеструха у меня еще та, не говоря про блонду...

Соломахин вздрогнул. Вот она! Идея! Идея, рожденная тупоголовым бойцом, но идея стоящая. То, что надо! Это не бутик и не певичка с голой задницей! Это статус! Это показатель уровня культуры! Его дочь знаменитая писательница! Ей тоже это понравится. Она, конечно, скривит свою рожицу, но идея придется ей по вкусу. И тогда она будет его! Не матери, а его! Его дочь писательница! Соломахин еще раз попробовал идею на вкус! Сладость предчувствия наполнила рот.

– Ну и что вы? – очнулся Соломахин.

– Да че мы? – Дмитрий пожал плечами. – Мы с Семеном припугнули его, нагрузили на бабки. Он привез. Отдавал и извинялся, – Дмитрий осклабился. – Лошара.

– Много взяли?

Дмитрий осекся, прятал улыбку и испуганно заморгал.

– Я не отберу! Просто интересно.

– Пять косарей, ну он реально чуть не насильничал сеструху, что мне надо было делать! Мордобой вы не поощряете, а наказать надо было! Я...

– Координаты его взял?

– Да, вот визитка, – Дмитрий протянул руку с зажатым клочком бумаги.

Протянул так словно кормил льва сосиской.

Игорь Викторович долго изучал кусок тисненой бумаги. Присутствующие замерли в ожидании вердикта.

– Все свободны, а ты Дима останься.

Люди гуськом поспешили оставить кабинет босса, выходили спокойно, но быстро. Когда в кабинете они остались вдвоем, Соломахин заговорил.

– Я хочу, чтобы ты проверил этого культурного деятеля, и набросал небольшое досье.

Соломахин выверенным жестом заядлого картежника, отправил визитку своему подчиненному. Карточка остановилась точно возле руки мужчины. Тот не глядя, спрятал бумажку в карман.

– Будет сделано.

– Свободен.

Дмитрий поднялся и оставил босса одного в кабинете.

В комнате было душно, пахло сексом. Единственное окно закрывала тяжелая пыльная штора, обвешенная вырезками из журналов. Стены покрывали такие же вырезки с различными фотографиями, развешенные без всякого порядка от пола до потолка. Мебели в комнате не было, не считая старого матраса брошенного в углу и выдавшего виды ноутбука с поцарапанной крышкой, который ютился рядом. Над матрасом висели два плаката. Один – портрет Че Гевары, второй – силуэт Ленина. Рядом с ними несколько небольших карт Кубы и одна Непала. Вырезки и карты крепились к стене пластилином, и вокруг уголков расползлись жирные пятна.

На матрасе тяжело дыша и глядя в неровный потолок со следами кровавой комариной бойни, лежали обнаженные парень и девушка. Единственная лампочка в центре квартиры скорее создавала полумрак, чем освещала пространство. Из-за этого Ленин казался зловещим, а Че Гевара вообще был похож на воспитанника графа Дракулы.

Парень опустил руку на пол и нащупал пачку отечественных сигарет. Закурил, пытаясь выпускать дым кольцами. Закашлялся. Напустил на лицо равнодушие и заговорил.

– Ну как встреча с родителем?

– А! – отмахнулась девушка.

– Очередная попытка завлечь тебя в нужное стадо?

– Что-то типа того, родительский инстинкт требует своего. Хочет для меня устроить праздник. Предлагал варианты подарков, – улыбнулась.

Улыбнулась, пытаясь казаться независимой и равнодушной.

– Мещанские идеи?

Парень закашлялся, худая грудь содрогнулась, пепел с сигареты упал на матрас. Девушка искоса глянула на своего любовника, и в который раз спросила себя, что же она нашла в нем. Но вопрос, как и сотни раз до этого, остался без ответа, а она снова и снова возвращалась в эту квартиру без мебели, без уборки, без порядка. Приходила, словно под гипнозом, они занимались сексом, затем он курил дешевые сигареты, кашлял, а она задавала себе вопросы, на которые не могла найти ответов.

– Да! Стандартный набор: машина, пьянка. Хотя нет! Он даже не предложил собственный магазин или стать новой звездой шансона. У него даже на это не хватает ума.

Парень снова закашлялся.

– Да уж, скудна фантазия твоего родителя. Как люди с такой ограниченностью добиваются такого положения? – парень сделал последнюю затяжку и аккуратно потушил окурок, который спрятал в пачку.

– Для бизнеса в нашей стране, Вадик, фантазия не нужна. Она даже мешает. Тут нужны связи, умение бухать и лизать

жопы, ну, правда, иногда надо и рвать эти жопы, иначе порвут твою.

– Ну а ты что думаешь?

– Про что?

– Про подарок!

– А что тут думать? Пусть он думает.

– Скоро мы будем далеко-далеко отсюда! Так далеко, что это быдло не найдет нас, мы будем вдвоем. Ты, я надеюсь, не передумала?

Девушка напряглась. Вадим вернулся к теме недавнего разговора. Тогда после бутылки текилы его слова казались смелыми, дерзкими и ужасно сексуальными, план был фантастичным, а секс страстным, как никогда! Но сейчас... На трезвую голову в душевной комнате, его слова не казались такими уж веселыми.

– Нет, конечно.

– Ты сомневаешься? – он приподнялся на локоть.

Девушка пожала плечами.

– Я немного не так представляла начало самостоятельной жизни.

– А как? – в глазах Вадима вспыхнули огоньки.

Вместе с ними Виолетта почувствовала, как возбуждение снова медленно растекается по ее телу. Теперь она, не задумываясь, могла ответить на вопрос, почему она с ним. С этим худым юношей, живущем в бабушкиной квартире без мебели, питающимся вермишелью и рыбными консервами.

Она была тут из-за блеска в его глазах.

– Неужели ты хочешь быть как они? Превратиться в планктон мегаполиса. Стать одной из тех дур на отцовском «лексусе» с силиконом в губах? Что тебя ждет? Бутик, брак по расчету, дом, любовник и ребенок оболтус? Твоя душа умрет еще до тридцати, а ты будешь доживать, измеряя остаток дней количеством походов в косметический салон.

– Но ведь я получила неплохое образование, я...

– Что начнешь с помощника в фирме отца и за год вырастешь до вице-президента? – он рассмеялся. – Замаскированная карьера, так сказать анестезия для остатков самолюбия? Ты была назначена директором еще сперматозоидом в яйцах отца.

– А что ты предлагаешь? – она вспыхнула, возбуждение сменила злость.

– Я предлагаю тебе остров свободы, я предлагаю тебе создать свое государство.

– Создать свое, украв деньги у отца? Какая разница?

– Большая! Увязнув в этой системе, ты никогда не вырвешься из нее, а любой колонии нужны деньги. Мы можем стать наркоплантаторами, потратить десять лет и заработать те же деньги, а можем их просто взять! И за это десятилетие успеть сделать что-то полезное.

Огонь в его глазах перекинулся на девушку, сжигая в ней обиду от ранее сказанных слов, Вадим снова заводил ее. Парень был прав, он как всегда был прав. Они снова слились

в поцелуе. От него противно пахло дешевым табаком, старым потом и фантастическими идеями, но Виолетта была без ума.

Когда они вошли в кабинет, толстый коротышка за столом засовывал печенье в рот. Увидев гостей, он вскочил. Попытался проглотить сухое лакомство, не смог. Скорчил виноватую рожу, схватил чашку с горячим чаем, сделал глоток, обжог язык, замычал, выплюнул содержимое рта в мусорное ведро. Все эти действия он успел совершить, пока гости рассаживались в кресла.

Их было двое. Мужчина в дорогом костюме, и молодая девушка с темными вьющимися волосами. Гости с интересом следили за хозяином кабинета, который втягивал ртом воздух, пытаясь смягчить ожог. Толстячок еще раз виновато улыбнулся и протянул руку гостю. Тот глянул на испачканную крошками ладонь хозяина кабинета, и руки не подал. Толстяк стушевался, отряхнул крошки и вернулся за стол.

– Давайте знакомиться, – коротышка пытался казаться спокойным. – Я – Суриков Вениамин Павлович, главный редактор издательского дома «Продакшбук».

– Мы знаем кто вы, – оборвал редактора Соломахин. – У нас очень мало времени, поэтому я задам вопросы, вы ответите, и мы с дочерью примем решение.

– Да-да, как вам будет угодно, – Суриков улыбнулся де-

вушке, но получил такой же надменный взгляд, как у отца.

– Вы говорили, что можете сделать из любого человека хорошего писателя, это так?

– Помилуйте, я не мог такого сказать, – увидев, что гости начинают мрачнеть, Суриков поспешил исправиться. – Дайте мне несколько минут, и я все объясню.

Соломахин кивнул.

– Как бы вам объяснить!?! Можно научить человека писать грамотно, но сделать из него писателя и при том хорошего – невозможно. За историю человечества написано так много, что придумать что-то новое очень и очень сложно. А придумать и описать это словами вообще фантастика. В наш век бестселлерами произведения делают скорее не талант, а правильная рекламная компания и пиар.

– То есть? – Соломахин напрягся.

– Я вам покажу.

Редактор резво как для своей комплекции вскочил из-за стола и подбежал к огромному шкафу, который занимал, чуть ли не треть комнаты. Распахнул дверцы и торжествующе отошел в сторону. Шкаф под завязку был заложен папками.

– Это макулатура за полгода. И это я вам скажу не самые урожайные полгода. Назвать это рукописями у меня не получается язык. Сейчас пишут все от политиков до домохозяек, выручает интернет с его блогами, но все равно, вы сами видите, сколько людей хочет поделиться своим бредом

с миром.

– И?

– И я повторяю, что я могу сделать из любого человека известного, узнаваемого, читаемого автора, конечно, при определенных затратах с его стороны, но обещать сделать хорошего писателя я не берусь.

– И как это происходит?

Коротышка лукаво улыбнулся. Он быстро вернулся за стол, открыл дверцу, и выложил на столешницу стопку в полтора десятка папок.

– Это то, что достойно чтения. То есть вся та тонна макулатуры в шкафу выливается в такую небольшую стопочку. Это произведения начинающих авторов. Если бы у них было уже имя, то эти произведения после небольшой редактуры могли легко конкурировать с маститыми писателями, но увы... Никто не станет покупать книгу Васи Пупкина, пусть даже это шедевр мировой литературы. Люди покупают не шедевры, а имена, бренды, скандалы, лица, которые они видят на экране телевизора или на страницах интернета. Поэтому эти папки пылятся тут.

– И вы предлагаете выдать любое из произведений под моим именем? – заговорила девушка.

– И да, и нет, – улыбался толстяк.

– Вы купите права на это произведение, купите за копейки – это я вам гарантирую, можете его изменить, можете сразу передать мне. Над ним поработают мои редакторы, а затем

я нажму нужные рычаги, и механизм запустится. Несколько отзывов в прессе, несколько рекламных роликов по телевидению, пару приглашений в ток-шоу. А затем, когда интерес у публики достигнет апогея, мы выложим книгу на прилавки! И все! Вас будут узнавать на улице, вы писательница!

Девушка вопросительно посмотрела на отца. Тот улыбнулся и ответил тем же вопросительным взглядом. Толстяк, сложив на груди руки в замок, ждал. Он был профи в умении заставить людей желать славы. За его долгую трудовую деятельность ни один клиент не отказался стать знаменитым.

Виолетта кивнула головой. Идея ей понравилась.

– Мы согласны, – подытожил Соломахин.

– Вот и чудненько, – толстяк хлопнул в ладоши. – Рекомендую вам прочесть вот эти три рукописи.

Мужчина проворно спрятал остальные папки в стол, оставив на столе только три рукописи.

– На мой взгляд, это идеальные произведения под ваш образ. Как определитесь с выбором, то звоните, и мы запустим машину известности в действие.

Вениамин Павлович протянул девушке папки. Наверное, во взгляде змия, искушающего Еву, было меньше лукавства, чем в глазах толстого редактора.

Они вышли на крыльцо. Отец, гордый за свою дочь, и дочь, довольная подарком отца.

– Виолетта Соломахина?! – произнес вслух Игорь Викторович. – Звучит!

– Ага, – ответила дочь.

Мыслями она была где-то далеко. То ли на будущей пресс-конференции, то ли сидящей в каком-то книжном супермаркете и раздающей автографы, но уж точно не на острове свободы. Виолетта вздрогнула, вспомнила о своем образе равнодушной дочери и нахмурила брови.

– Отпразднуем начало карьеры великого писателя? – Соломахин не заметил возвращения дочери в обычный образ.

– Когда продадим первые десять тысяч экземпляров тогда и отпразднуем, – отрезала девушка.

Мужчина вздрогнул, весь радостный запал от близости победы над чудовищем под названием «бывшая жена» улетучился. Он по-прежнему был еще далек от контроля над дочерью.

– Верно, – спрятал обиду за равнодушием Игорь Викторович.

– Ну, я побежала читать?

– Конечно, выбирай. Может подбросить домой?

– Не надо, я возьму такси, пока па-па.

Девушка сбежала с крыльца издательского дома, оставив разочарованного отца одного.

Виолетта открыла двери квартиры. Сбросила босоножки, прошлепала по паркету в кухню, сделала несколько бутербродов с колбасой и сыром, налила в огромный стакан сока.

Держа еду в руках, а рукописи подмышкой, пошла к себе в комнату. Включила кондиционер, разложила на покрывале три папки, и, откусив большой кусок бутерброда, залезла на кровать.

Две папки были одного объема, и толще за третью. Девушка раскрыла самую толстую. На первом листе было написано:
«Из прошлого с любовью...»

270 страниц

Виолетта начала читать. Прочла десять листов и фыркнула. Писала женщина. Писала о героине, которая нашла в собственной квартире проход в параллельное измерение. Проход был в старом чулане, где покойный муж хранил рыболовные снасти. Параллельный мир был точной копией мира настоящего, только сдвинутым во времени на тридцать лет назад. И женщина могла переживать моменты своей прошлой жизни, переходя через эти двери.

Наверное, это было и интересно, но текст был перенасыщен размышлениями о жизни дамы почти двукратного балзаковского возраста. Размышлять она любила много и обо всем, начиная о том, правильно ли она лизала мороженое на первом свидании с покойным мужем, до разговора с первой учительницей своего сына. Размышляла над тем, что как бы было здорово что-то изменить в своей жизни, но каждый раз останавливалась, боясь тем самым чересчур изменить будущее, то есть свое настоящее.

Роман чем-то напоминал песню акына – что вижу, про то

и пою, но гораздо нуднее и замысловатее. Да и сама идея очень напоминал помесь фильма «Назад в будущее» и сериала «Скользящие». Виолетте стало скучно. Она догадывалась, что книга закончится каким-то глупым выводом. Наверное, героиня так и не рискнет что-то изменить. А в конце успокоит себя тем, что прожила интересную и счастливую жизнь, которая была полна и радостями, и печалью, и которую она не хочет менять.

Виолетта достала последние листы рукописи и улыбнулась. Автор заканчивал именно так, вот только этот вывод, упакованный Виолеттой в три предложения, в оригинале растянулся на десять страниц.

Девушка аккуратно сложила рукопись в папку и завязала тесемки.

Второй роман был тоньше, и назывался «Сказ про гламур». Двести страниц из жизни одиннадцатиклассницы, ищущей себя в этом безумном мире. Из десяти прочитанных страниц одну занимали цитаты романа «Над пропастью во ржи». А описание гламурной жизни чем-то напоминало рассказ доярки Фроси, которая была направлена на животноводческую выставку в районный центр, и там попала в дешевый ночной клуб.

Виолетта даже пару раз улыбнулась. Но на этом вся ценность прочитанного заканчивалась, поэтому девушка отложила и эту папку.

Настроение, с которым она вышла от редактора, ухудша-

лось. Произведения хоть и были написаны грамотно, но не цепляли. По крайней мере, не цепляли ее. Ей хотелось прочесть то, что чуточку отражало бы ее саму. То после чего она бы поверила, что написала это произведение сама. Виолетта даже целую минуту была охвачена порывом действительно написать что-то свое. И даже открыла ноутбук, но...

Девушка улыбнулась, отложила компьютер и открыла третью папку. Это была самая тонкая рукопись. Не больше восьмидесяти страниц. Виолетта скептически прошелестела страницами, вздохнула и начала читать.

Текст назывался «Эклер в сахарной глазури». Хотя повествование шло от героини, в авторах стояло имя мужчины. Виолетта переворачивала страницы, жуя бутерброды, и остановилась, когда поняла, что прочла половину. Но главным было другое, ей хотелось дочитать до конца.

Это был не шедевр, и конечно, далеко не классика отечественной прозы, но рассказ цеплял, как говорится, за остатки живого. В нем было много цинизма, но это не портило его, а добавляло реалистичности, и Виолетта ловила себя на том, что примеряет поведение героини к себе. Это было удивительно, но за многие эпизоды она с уверенностью могла сказать да! Она могла так поступить, такое могло быть сказано нею, да она была там, да она написала эти слова.

Виолетта вздрогнула. Она нашла строки, под которыми хотела бы поставить свою фамилию. Девушка улыбнулась. Она автор этих мыслей.

Виолетта вошла в кафе, пробежала взглядом по посетителям и увидела Вадим за столиком в углу. Зачинатель Общества свободных людей сидел, развалившись на диване, и что-то рассказывал двум незнакомым Виолетте девушкам. Еще за столиком сидел давний друг Вадика Вася.

Друг Вадима был его полной противоположностью – толстый с испуганным взглядом карих глаз, и вечно потными ладошками. Василий считал Вадика своим наставником, учителем, гуру. Вадиму же льстило такое отношение, а платежеспособность толстяка делали их лучшими друзьями.

Василий был неплохим парнем, когда оставался с Виолеттой один на один. Он был робким, и от этого милым. С ним было весело и очень уютно. Однако как только появлялся Вадим, Вася превращался в нечто среднее между зомби и тряпичной куклой. Он с трепетом аборигенов заглядывался на белого худого человека, а из его рта текли слюни.

Вот и сейчас он с приоткрытым ртом смотрел на развалившегося Вадима и даже не моргал. Две девушки одна, из которых была пухлой блондинкой, а вторая крашеной рыжей, сидели к Виолетте спиной, поэтому степень интереса оценить было трудно.

Соломахина-младшая подошла к столику, наклонилась над Вадимом, поцеловала в губы и плюхнулась рядом на диван. Вася с восхищением смотрел на них, а две девушки при-

стально изучали Виолетту.

– Привет, – Вилета ответила тем же взглядом.

Блондинка сразу отвела взгляд, а с рыжей пришлось по-возиться, прежде чем она перестала таращиться.

– Знакомьтесь, – вяло начал Вадим. – Это Виолетта, а это Мэри и Катерина. Они тоже разделяют идею свободного общества.

Виолетта заставила себя улыбнуться, девушки ответили такими же натянутыми улыбками.

– Я рассказывал девушкам и Васе о том, каким будет наше поселение.

– Наше? – удивилась Виолетта.

– Конечно. Со временем к нам подтянутся свободолюбивые люди разных национальностей, но на первом этапе необходимо как можно больше людей со схожим менталитетом и языком. Нам нужно чтобы нас заметили! А девушки хотят быть с нами.

Соломахина снова изучила каждую из незнакомок.

– Как вы познакомились? – спросила она.

– Вася дал объявление в интернете.

Вася улыбнулся, гуру назвал его имя, это ли не честь?

– Объявление?

– Да.

– Что вы собираетесь уехать и жить на Кубе?

– В общем, смысл верен, – Вадим одарил очаровательной улыбкой Катю.

Виолетта вздрогнула, до сегодняшнего дня она думала, что так улыбаться он может только ей. Девушки встали и направились в туалет.

– Какого хрена? – ущипнула она Виолетта.

Тот ойкнул, схватился за руку. Вася был возмущен таким обращением с духовным наставником.

– Что? – на лице Вадима отразилось неподдельное непонимание.

– Что?! – зашипела девушка. – Ты собрался обчистить моего отца с помощью меня, а потом на эти деньги вывезти всех блядей на Кубу? И там трахаться с ними? А мне что прикажешь свечку держать? Чтобы мой духовный наставник смог в дырки попадать?

– Тише, тише, – засуетился Вадим.

За все их знакомство Виолетта впервые видела парня в таком состоянии. Вадим кивал в сторону Васи, пытаясь сказать, что желательно отложить разговор до того времени, как они останутся вдвоем.

– А пусть слушает!

– Ты все не так поняла! – парень снова напустил на себя невозмутимость. – Они сами оплачивают свой проезд, и они также вносят в общее дело часть финансов. Не одна ты имеешь богатых родственников.

Виолетта сжала кулаки.

– А что касательно трахаться, то у нас не будет института брака, ибо он противоречит принципам свободы – это,

во-первых. А во-вторых, по настоящему свободными могут стать люди, рожденные от свободных людей, а это уже третье поколение. Мы зачинатели, мы родители свободы.

С каждым словом в глазах парня разгорались те огоньки, от которых у девушки теплело внизу живота и пересыхало в горле.

– Нам нужны люди разных профессий, а в первую очередь врачи, а Катя, она медсестра, и ты видела ее формы, она идеальна для рождения здорового поколения свободных людей.

На миг огоньки заволокло туманом. Этот туман Виолетта наблюдала еще вчера, когда стоя над Вадимом, снимала трусики.

Парень вздрогнул, прогнал видимые только ним фантазии, и снова посмотрел так, как мог смотреть только он.

– Но ты всегда останешься единственной в моем сердце. Мы служим благому делу, и я, и ты, и Катя, и даже Вася. Мы жертвуем собой для будущих поколений, ты размеренной жизнью в уюте и достатке, я собственным интеллектом, который мог бы придумать вакцину от рака, но вынужден бежать от хаоса капитализма, а Катя станет родительницей в прямом смысле слова. У каждого своя роль, но каждая роль одинаково важна и необходима.

Виолетта почувствовала, что намокла. Она бросила быстрый взгляд на Василия и готова была поспорить, что тот испытывает эрекцию. Девушка вскочила, схватила Вадима за руку и потащила в сторону уборных. В дверях они столкну-

лись с Катей и Мэри, те понимающе подмигнули Вадиму, но Виолетта оставила это без внимания. Она втащила парня в женский туалет. Впихнула в кабинку и закрыла за собой двери.

Виолетта сидела на матрасе, сложив ноги по-турецки, и дочитывала рукопись. Над головой смотрел вдаль Че Гевара, а Ленин-вурдалак выискивал очередную жертву. Вадим лежал рядом, бороздя просторы интернета на стареньком ноутбуке. В комнате зависла почти идиллия, если не считать неприятного запаха от давно не стиранной постели, клубков пыли по углам и темной шторы.

Девушка отложила рукопись и уперлась взглядом в одну из вырезок. Это был проспект туристической фирмы. Много ярких цветов и призывов бросить все и отправиться на отдых. Почему этот плакат висел тут среди журнальных статей про Че Гевару и Кубу, Виолетта не знала. Он был так же неуместен тут, как и сама Виолетта – дочь богатых родителей в грязной однушке на старом матрасе. Девушка испугалась. Еще никогда такие мысли не посещали ее голову.

Она начала мечтать о свободе, когда развелись родители. Это было еще в школе. Пятый класс. Она игралась куклами. Таких кукол не было ни у кого во дворе, а потом она услышала этот звук. Звук донесся из кухни. Шлепок. Хлесткий, звонкий. Словно щелчок хлыста. Она слышала этот звук в

цирке, когда на арене были пони. Только сейчас в дорогом особняке этот звук казался неуместным. Он пугал.

Виолетта встала, отложила куклу и пошла на звук. Теперь в доме стояла тишина. Вязкая, липкая, словно недавний звук уничтожил все остальные, или даже пронзил барабанные перепонки. Девочка подошла к дверям кухни и переступила порог. Рядом стоял отец, его нижняя губа подрагивала, а глаза выражали ужас. Не испуг или страх, а ужас. Он заметил Виолетту и вздрогнул, бросил быстрый взгляд на жену и убежал из кухни.

Мать стояла возле окна, прижимая ладонь к левой щеке. Из глаз брызнули слезы. Но вызваны они были не болью. Это была влага, рефлекс организма на определенные воздействия внешней среды. Это было сродни каплям пота на лбу в знойный полдень. Потому что за слезами в глазах матери горел вызов. Конечно, все это Виолетта поняла позже, гораздо позже. Но улыбка матери на кухне еще долго снилась девочке.

Почему она вспомнила об этом сейчас? Потому что в тот день она уехала с матерью к бабушке, а через неделю она стала мечтать о свободе и твердо решила, что когда станет взрослой, с ней такое не повторится.

– Эй! – Вадим щелка пальцами у нее перед носом. – Ты где?

Виолетта вздрогнула, смущенно улыбнулась.

– Да так, задумалась.

- Что это у тебя? – Вадим ткнул пальцем в стопку листов.
- Рукопись.
- Что за рукопись?
- Я написала книгу.

Виолетта не поняла, почему сказала это. Ложь далась так просто, что она на миг сама поверила в нее. Парень удивленно вскинул брови.

- Ты книгу? Когда? О чем?
- Да так, писала вечерами. О себе, о мире вокруг меня.

Вадим взял рукопись, прошелестел страницами, взвесил в руке.

- Да уж, делать вам нечего, бабам.

Он кинул стопку листов на кровать. Виолетта закусила губу, реакция парня была ей неприятна. Он не обязан был восхищаться нею, ему могло не понравиться. Но он был обязан хотя бы попросить прочесть. Попросить!

- Ну, а что папашка твой? Звонил? Подарок придумал?

Вадим отодвинул ногой ноутбук и развалился на матрасе.

- Придумал.

– Да? И что это? Подарит тебе ручного раба? – Вадим рассмеялся собственной шутке.

- Он издаст мою книгу!

Если до этого момента в голове Виолетты и были какие-то сомнения относительно предложенной аферы, то сейчас они полностью исчезли. Она хотела эту книгу, хотела увидеть свое имя на ней, хотела увидеть лица знакомых, когда ее по-

кажут по телевизору, как новую звездочку на литературном небосклоне.

Вадим вздрогнул. Посмотрел на девушку.

– Ты это серьезно?

– Да.

– И ты согласилась? Ты готова увязнуть в этом болоте напыщенных бумагомарателей?

– Я хочу попробовать!

– А как же наша идея? Как наши планы? Я ведь не смогу без тебя, – он посмотрел ей в глаза.

Виолетта таяла. Она забыла, как Вадим отбросил рукопись, забыла его обидные слова, она снова чувствовала тяжесть внизу живота и видела только его глаза.

– Я... – она запнулась, он взял ее за руки.

Его длинные белесые ресницы сделали очередной взмах.

– Я люблю тебя! И я поддерживаю тебя во всех твоих начинаниях, но стоит ли вязнуть в этом болоте пафоса и маний величия? Я уверен ты написала прекрасную вещь, но ведь мы мечтали о другом!? Нам предначертана роль основателей самого прекрасного поселения людей. Мы вестники нового образа жизни, свободы и радости! Мы не какие-то там хиппи. Мы люди с идеей! Вдвоем мы непобедимое единое целое, а ты...

Виолетта сглотнула ком, который подступил к горлу. Ей стало стыдно. Она ведь даже не писала эту рукопись, и вдруг ее так задело равнодушие Вадима к обычным листам бумаги.

Так кто из них эгоист? Он или она?

– Нет, ты не понял меня! – голос девушки дрожал. – Я ведь согласилась только для того, чтобы он успокоился, чтобы нам не мешал.

Вадим улыбнулся, взял девушку за подбородок и притянул к себе.

– Я выбрала эту, – Виолетта выдвинула папку вперед.

Они снова сидели в кабинете толстого коротышки. Он снова потирал маленькие ладошки и растягивал лицо в любово-страстной улыбке. Игорь Викторович сидел рядом с дочерью и следил за происходящим с каким-то идиотским блаженством на лице. Виолетта никогда не видела такого выражения на лице родителя.

– Что ж, любопытное произведение, – Суриков усмехнулся. – Очень любопытное, смелое, оригинальное, немного пошловатое, но нам как раз такое нужно. Пипл любит нравственные встряски. Это только кажется, что все скромные и тихие, а на самом деле всем подавай разврат. Посещаемость сайтов, где размещены фото эстрадных певиц, у которых видны стринги или вывалилась грудь из купальника, в разы превышает скачиваемость их песен. Людям нужны тела, сиськи, да простит меня юная леди, им нужна грязь, сплетни.

– Меня смущает объем произведения, – Виолетта прерва-

ла размышления Сурикова.

– Краткость – сестра таланта, – хохотнул редактор. – Люди устали от многотысячных томов. И это не фантазии! Это реальность! Вы все поняли из произведения?

Девушка кивнула.

– Ну вот! Этого достаточно! Сейчас нет строгих рамок каким должен быть роман. Мы издадим книгу в удобном формате, сначала поклет-бук, а затем, если пойдет, в твердом переплете. Я напишу вам тезисы, вы их выучите и любая пресс-конференция нам не страшна. Договорились?

– Да.

– Вот и чудно. А теперь мы должны обговорить цены, стратегию, рекламу и все скучные шажки, которые приведут вас к известности.

– У меня еще одна просьба! – Виолетта поймала себя на том, что она подняла руку как в школе, прося слова.

– Да?!

– Я хочу познакомиться с автором!

Вениамин Павлович вздрогнул, его любострастная улыбка исчезла, уступив место растерянности и непониманию.

– Помилуйте, с каким автором?

– С автором этой рукописи!

– Это еще зачем?! – мужчина вертел головой, выпучив глаза.

– Я хочу!

– Юная леди, вы простите мою наглость, но так дела не

делаются. Вам не нужно встречаться. Я настаиваю на этом, категорически. Я оформлю все бумаги с вашим юристом, но ваше присутствие очень нежелательно.

– Почему?

Суриков раздул щеки, замахал маленькими ручками, пытаясь жестами усилить свое возмущение безрассудством просьбы Виолетты.

– Потому что это его творение, это его чадо. Нельзя чтобы автор с вами встречался, это...

– Вы думаете, он начнет мне угрожать со временем?

Соломахин напрягся.

– Я не знаю, люди непредсказуемы. Я только не могу понять, зачем вам с ним встречаться?

– Мне интересно посмотреть на человека, который написал эти строки, он словно я. Конечно не полностью, но многие моменты буквально списаны с меня.

– Юная леди, это все литературные приемы, обобщение образа. Люди сами примеряют поступки героев к себе, и чем больше таких сходств, тем больше людям нравится произведение. Ему удалось описать своего героя именно так, что это зацепило вас. Ему плюс в умении создавать героев, но та героиня это не вы. И он вас не знает!

– Я хочу его видеть!

– Я могу дать вам его имя, зайдите в «одноклассники» посмотрите на него, можете даже пообщаться, но реальное знакомство категорически нежелательно!

– Тогда я отказываюсь от участия в этой затее.

Игорь Викторович, слушая диалог дочери с редактором, склонялся на сторону последнего. В словах мужчины было разумное зерно, чем меньше они знают друг о друге, тем меньше шансов, что возникнут какие-либо проблемы. Но сейчас разговор зашел в совсем иное русло. Если дочь откажется от участия в этом деле, то он снова останется не с чем. Снова та крашенная сука докажет, что какой он к черту отец, если не смог организовать для дочери обещанный подарок. На это Соломахин не мог пойти.

– В чем проблема? – подал голос Игорь Викторович.

Редактор и дочь опустили головы, словно нашкодившие дети, застигнутые строгим воспитателем.

– Это не правильно, – выдавил из себя Суриков.

– Вы боитесь за безопасность моей дочери – это раз, с этим я согласен. Есть ли еще веские причины, чтобы запретить их встречу?

Вениамин Павлович пожал плечами.

– Если я возьму ее безопасность на себя, и вы не будете отвечать за это, встречу можно организовать?

– Ну, поймите, – начал редактор. – Это абсурдно, мы не диван и не мобильный телефон покупаем, мы покупаем интеллектуальную собственность. Зачем лишний раз наступать человеку на мозоль?

– Значит, встреча будет! – поставил точку Соломахин.

Суриков тяжело вздохнул и поднял свои маленькие ладо-

шки вверх, демонстрируя капитуляцию.

– Вот и договорились! Виолетта, мы сейчас будем обсуждать цифры и скучные вещи, поэтому ты можешь быть свободна, – Соломахин улыбнулся дочери.

Та кивнула, подхватила со стола свою сумочку и оставила мужчин.

Вася всегда много потел. Сначала в детском саде, затем на уроках физкультуры в школе, потом в институте. Он привык потеть. Но особенно он потел при общении с девушками. Это случалось не так уж часто, но такие минуты выжимали из его организма литры жидкости. Он потел всем телом от макушки до кончиков пальце на ногах. Потел равномерно, покрываясь капельками соленой влаги.

Вот и сейчас, несмотря на прохладу кондиционированного воздуха в кафе, он чувствовал, как прилипают штаны к заднице, а по спине и животу маленькими ящерицами скользят капли пота. Вадим опаздывал вот уже на пятнадцать минут, а эти две девушки постоянно хихикали.

Их было двое. Одна – женская версия его самого – крашеная блондинка с пышными формами и отсутствующим взглядом. А вторая – рыжеволосая богиня, которая открыто издевалась над парнем, отпуская колкости в его адрес, и хихикала. Однако Василий был готов простить ей все.

Он влюбился в нее с первого взгляда, он даже успел неза-

метно для нее самой сфотографировать ее на мобильный. И уже два раза использовал это фото, доводя себя до мощного оргазма. Он представлял ее без одежды. Худое почти плоское тело вызывало в нем необъяснимый прилив желания, а отсутствие выпуклых грудей умножало возбуждение до моментального оргазма. Он хотел эту колкую худышку как никого в своей жизни.

А в своей жизни он хотел очень многих, он хотел почти всех, но дожив до двадцати пяти лет, обладал всего тремя. Одна из них была проституткой, вторая легла с ним на спор с подругами, а третья была настолько пьяна, что облевала ему грудь, прыгая на нем сверху. Самым удивительным оказалось то, что во время этого он не испытал отвращения. Девушка, конечно, ничего не помнила утром, а он бережно хранил в воспоминаниях этот момент.

Теперь он хотел Мэри. Вот только на этот раз Вася не желал прибегать к деньгам и алкоголю. Он хотел взаимности, или если не ее, то не явного принудительного акта.

– Давно знаешь Вадима? – спросила Мэри.

Вася вздрогнул. Это было странно и необъяснимо, но ее голос неведомым образом воздействовал на его предстательную железу. Он чувствовал, как член вибрирует в такт ее звуковым волнам. Конечно, как призер школьных олимпиад по физике, Вася мог найти сложное объяснение этому феномену, но проблема заключалась в том, волны воздействовали и на его мозг. И если железа ощущала бодрящий эффект, то с

мозгом все было наоборот, они отключали его, блокировали, оставляя только элементарные рефлексy.

– Я? С В-вадимом? – стушевался Вася. – Да, давно. Мы жили в соседних домах, поэтому с детства вместе.

– И что все это про землю на Кубе правда? – Мэри катала оливку на зубочистке по губам.

– Д-да, – к начинающейся эрекции прибавилась сухость во рту.

– Откуда он ее взял? Неужто так богат? – в глазах девушки появился интерес.

– Он не богат, – улыбнулся Вася.

Вася поймал себя на том, что у него меньше дрожат руки. Он говорит с девушкой и почти не заикается.

– У него не было отца, мать сама всегда, работала на фабрике.

– Так Куба это все треп для лохушек?

– Не! – в глазах Василия вспыхнул испуг. – У него дед по матери военный, ну еще с тех времен. Короче он там их «фиделевцев» учил, а потом нашел себе кубинку и остался там. А ему за былые заслуги фазенду Кастро отвалил как отъявленному борцу за свободу. Ну, дед помер, а фазенда и земля внуку по наследству отошла, вот Вадим и решил туда поехать.

– Ясно, – Мэри допила мартини.

Вася неловко кивнул, бросил испуганный взгляд на Катю и ее пустой бокал.

– Может еще заказать мартини?

– Можно, – оживилась Катя. – Только мне с водкой!

Вася поднял руку, но официантка его не заметила, он смущенно перехватил насмешливый взгляд Мэри, дернул ладонь вниз и встал из-за стола. Зацепил ногой столешницу, звякнули пустые бокалы. Василий смущенно улыбнулся и шустро пошел в сторону официантки. Догнал ее почти возле бара, скороговоркой продиктовал заказ, ткнул рукой в сторону столика и вернулся назад.

– А ты тоже с ним едешь? – спросила Мэри.

– А ты?

Вася вздрогнул, испугавшись собственной смелости. Девушка хохотнула.

– А ты бы меня взял?

– Конечно, – выпалил парень.

Выпалил и понял двусмысленность вопроса. Мэри следила за его реакцией, заметив растерянность Василия, она залилась громким смехом. Катя только хмыкнула.

– Ну, а серьезно? Веришь в эту затею?

– Да! – Вася уверенно закивал головой, и капли пота со лба закапали на стол.

– А мы вот думаем, да Катя?

– Угу, – отозвалась подруга.

– Но если ты едешь, то я думаю, что нужно соглашаться.

Румянец залил щеки Василия, от неожиданных слов девушки у него перехватило дыхание. Он не верил счастью.

Рыжеволосая богиня хочет ехать с ним.

– Думаю, будет весело, – рассмеялась она.

– Это будет новый виток наших жизней.

Из кабинета Сурикова Виолетта выходила с двойственными чувствами. Идя на эту встречу, она преследовала две цели: увидеть человека, родившего роман и показать себя как королеву жизни. Она желала показать, что способна сделать то, чего не смог сделать он. Донести это творение миру! Как ей казалось это сделать намного труднее, чем написать тридцать тысяч слов.

Виолетта ожидала увидеть «ботаника» с затравленным взглядом в огромных очках и коротких штанах. Однако в кабинет вошел другой парень. Да, он был в очках, но на этом сходство с классическим представлением «ботаника» заканчивалось. Он не был крут, он не был забит, он был той серединой, которую не замечает взгляд. Средний рост, обычная стрижка, неброская одежда.

Идя сюда, она даже заготовила речь. Что-то пафосное с отступлениями о том, что они не приуменьшают его заслуги, но это полдела. Жизнь изменилась, размеренность и неспешность бытия уже в прошлом. Сейчас человека нужно завлечь, заинтересовать так, чтобы он потратил часть своего времени на книгу. Нужно украсть, отобрать это время, заставить приковать свое внимание к этим страницам. Он конечно моло-

дец, сюжет интересен, в меру умен и остроумен, но Виолетта привнесет изюминку.

А затем на миг она увидела все в другом свете. Она избалованная дочь олигарха сидит в дорогом кресле по одну сторону с развратным толстяком и отцом, который за свою жизнь не прочитал и десятка книг, и пытается отобрать у человека его часть. Не купить, а отобрать! Те деньги, которые предложил редактор за книгу, она тратит за неделю при экономном образе жизни!

Вся эта встреча походила на то, как отбирают щенков у разродившейся сучки. Все уже решено, и обстоятельства не на стороне животного.

С другой стороны она хотела это произведение. Хотела больше чем машину на шестнадцать лет. Ее не волновали ни тот факт, что она не автор, ни то, что она не изменила даже слова, ни то, что она даже и не собиралась что-то менять. Ей нравились все тридцать тысяч слов, и она хотела, чтобы все считали ее родительницей этого романа.

Она здесь. Он сидит напротив. Николай. А она борется между желанием встать и крикнуть, чтобы он забирал свой роман и уходил, бежал, скрывался, потому что то, что он написал – это абалденно. Это завораживает! А его обманут, заплатят гроши, выкинут на улицу, а вся слава достанется ей – избалованной дряни местного олигарха. Виолетта думала об этом, и в тот же момент скрещивала пальцы на ногах, чтобы он ничего не заподозрил. Чтобы ему по зарез были нуж-

ны деньги на операцию для родных, или тупо на наркоту, не важно. Главным было то, что он не раздумывая должен взять их, поставить подписи, и навсегда отречься от этого творения. Потому что отныне и навеки она – единственный и несменный автор этих строк, этих долбанных тридцати тысяч слов.

А он думал! Он резал ее сердце своим равнодушным взглядом, глядя на тонкий конверт с валютой. Он восхищал ее этим взглядом. Он убивал ее. Она ненавидела его за это. Она сжимала кулаки, давно забыв свою речь. Она молила бога, чтобы все это быстрее закончилось. Виолетта была готова даже попросить отца, чтобы в случае отказа, он силой отобрал эту рукопись.

А затем он начал задавать вопросы. Он что-то спрашивал про контракт, он так медленно переворачивал страницы, он так долго изучал написанное, что у Виолетты чуть не случился нервный срыв. Ненависть и уважение к этому человеку так крепко сплелись в ее голове, что она не могла определить какое чувство сильнее.

Уже в конце, когда его рука с ручкой зависла над документом, он посмотрел на нее. В том взгляде не было злости, не было укора или ненависти, в нем была обреченность человека, который осознает каждый свой шаг.

Он поставил последнюю подпись, последний раз дорогая ручка адвоката, дернулась в его руке. Улыбнулся и вышел из кабинета.

Виолетта почувствовала, что сейчас намочит кресло, спазмы хватали мочевого пузыря, а руки дрожали, словно она всю встречу таскала тяжести.

Виолетта нажала на кнопку звонка еще раз. Музыка за дверью стихла, послышался щелчок замка. В дверях без майки с сигаретой в зубах стоял Вадим, из квартиры доносился девичий смех и невнятное мужское бормотание.

– Привет, любимая, – Вадим наклонился и поцеловал девушку.

Виолетта вошла в квартиру, вопросительно глядя на парня. Тот жестом указал на комнату.

На матрасе в центре, которого стоял кальян, сидело трое. Вася, толстая блондинка с покрасневшимся лицом и художочная рыжая стерва, с оценивающим взглядом.

– Привет, – выдавила Виолетта.

– Привет, – в разнойбой отозвалась троица.

– Вадим, можно тебя на кухню? – Виолетта направилась туда, не ожидая ответа.

– Ты зачем этих кобыл сюда привел? – вспыхнула девушка в окружении грязной посуды и хлебных крошек.

– Мы же это уже обсуждали?! – Вадим устало выдохнул.

– Одно дело впаривать им эту чушь в кафе, а другое рассадить их на нашем матрасе!

– Во-первых, матрас мой! А во-вторых, я не сектант и ни-

кого принудительно не тяну в свободное общество! Если ты решила остаться и множить целлюлит рядом с папочкой, то это не значит, что у всех такой же узкий взгляд как у тебя. А без веры в успех на острове нечего делать!

В глазах Вадим заплясали знакомые огоньки. Виолетта была слишком зла, чтобы они подействовали на нее так быстро. Но все же они действовали.

– Я... я... я просто, прости! Я приревновала, они тут...

Вадим усмехнулся, огоньки разгорелись ярче.

– Я понимаю, но я устал тебе говорить, что ты единственная! Но все мы лишь почва, из которой вырастет новое поколение! Сильное! Свободное! Нам нужны люди, и многие находятся на распутье, и моя задача не заманить их к нам, а помочь сделать правильный выбор! Помочь сделать выбор! И этот выбор не всегда в нашу пользу, но свободное общество не может появиться из людей обманутых или завлеченных обманом! А для того чтобы помочь человеку определиться, нужно узнать его, что я и делаю!

Он подошел вплотную к Виолетте и заглянул в ее глаза. От него пахло коноплей и пивом. Разве так пахнет свобода? – подумала Виолетта, но тут же прогнала эту мысль. Прогнала потому что в глазах, которые смотрели на нее, плясали огоньки. Те самые от которых ноги становились ватными и приятно теплело внизу живота, те самые, но... Но сегодня они утратили часть своей магии. Были тому виной кальян и пиво, она не знала, но в них чего-то не хватало. Они по-

прежнему заводили ее, она по-прежнему ощущала головокружение, но все это было в пол силы. Словно у чар, которыми обладал его взгляд, вышел срок годности. Она улыбнулась, он ответил ей тем же.

Они вернулись в комнату. Виолетта села под Че Геварой, Вадим занял место под Лениным.

– Оригинально тут у вас, – усмехнулась Мэри, разглядывая стены.

– Это временное пристанище, человека не должно ничего держать. Жить надо так, чтобы в любой момент можно было выйти из дома и больше в него не возвращаться, – Вадим сделал глубокий вдох из кальяна.

– А что за мужики на стене? – Мэри ткнула пальцем в плакаты за спиной Виолетты, и Вадим зашелся в кашле.

– О, а этот мужик у Витахи на футболке был, помнишь Машка? – Катя ткнула подругу в бок, указывая на Че Гевару.

– Машка – это та, которую можно за ляшку, а я – Мэри! – прошипела подруга.

Виолетта перехватила унылый взгляд Вадима и улыбнулась. А еще она заметила, как восторженно Василий смотрит на рыжую. В этот момент у Виолетты завибрировал телефон. Девушка встала и вышла на кухню. Звонил отец.

– Привет, па-па.

– Здравствуй, дочка! Куда это ты пропала?

– Никуда, все как обычно, у нас же обед завтра?

– А просто встретится с отцом без расписания?

Виолетта молчала.

– Ладно, расслабься, – опередил Игорь Викторович. – Мы с тем похотливым толстяком все обговорили, все решили, все утрясли. Он сегодня позвонил, говорит, что послезавтра какой-то литературный конкурс проводит награждение победителей. В общем, он говорит, что ты стала победительницей этого конкурса, он все решил. Говорит, что это просто идеально. Про тебя напишут в газетах, а потом уже начнем печатать книги.

– Но ведь мы не посылали роман!?

– Доча?! – напрягся Соломахин.

Ты и роман не писала, – мысленно договорила за отца Виолетта. Так что ее удивило? Наверное, то, что происходящее перешло в степень реальности. Еще вчера она думала про это как нечто несбыточное, а вот сегодня все завертелось. Ее выход.

– Извини папа!

Теперь вздрогнул Соломахин. Он не помнил, когда она извинялась в последний раз. Даже когда разбила его коллекционный «феррарри», он так и не дождался от нее банального прости. Она тогда сказала, что он сам виноват в том, что ключи оказались на видном месте. А последний раз слово «прости» слетело с ее губ еще в детстве, когда она пролила чернила на его огромный ореховый стол. Сколько ей тогда было? Пять лет?

– Проехали! В общем, он накидал тебе небольшую речь,

тебе ее передадут перед церемонией. Тебя ждут возле театра послезавтра в полпятого вечера. Можешь взять своих друзей.

– Что нужно будет делать?

– Он говорит, что это обычная церемония вручения дипломов, тебя вызовут, ты выйдешь, скажешь несколько слов. Потом банкет, журналисты, у тебя как у победительницы будут брать интервью, тебе нужно сказать то, что он напишет, и вроде пока все.

– Хорошо! Ты приедешь на церемонию?

– Конечно!

– Тогда там и встретимся, тогда завтра обед отменяется, поеду выбирать платье!

– Хорошо, пока!

Она отбила звонок, не сказав слова прощания.

Виолетта не была новичком на таких мероприятиях. Когда твой отец по влиянию в регионе превосходит мэра, к таким вещам как церемонии и презентации привыкаешь быстро. Но в роли человека, которому придется выйти на сцену и что-то там получить, она была впервые. И ее больше пугала не сама сцена, а необходимость сказать речь.

Она никогда не считала себя стеснительной, но говорить о произведении, которое ты не писала перед сотнями людей это совсем другое дело. Тут нужны, как бы сказал отец, же-

лезные яйца. И она их найдет. Виолетта так решила. Решила, глядя на себя в зеркало.

Мать стояла в коридоре и следила за ее сборами. Виолетта звала ее собой, но та отказалась. Попросила прочесть рукопись, девушка дала. За время, что она жила с матерью, девушка научилась различать настроения родительницы по ее поведению. Сейчас мать своим видом так и кричала, что она против этой затеи.

На все вопросы Виолетты о причине такого протеста, мать отвечала одним предложением.

Не правильно все это.

Виолетта и сама где-то внутри понимала, что это не правильно. Но затем снова ловила себя на том, что ощущает, чуть ли не физическое, наслаждение от мысли, что эти тридцать тысяч слов будут подписаны ее именем.

Также она успокаивала себя тем, что такое отношение матери объясняется ревностью. Она ревнует! За всю свою жизнь Виолетта никогда не проводила столько времени с отцом. А теперь они начали сближаться, они перестали раздражать друг друга, и мать это пугало. Она боялась потерять дочь. Боялась, что та променяет ее на отца, а ей останутся еженедельные обеды в каких-то забегах.

С этими мыслями Виолетта поцеловала мать и поехала на церемонию.

Она стояла в тени огромного каштана и следила за толпой. Вадим со своей новой троицей вассалов ушли на поис-

ки бара. Отца не было. Виолетта ждала гонца от редактора со словами речи.

Гонец подошел сзади. Вернее это была гончая. Невысокая девушка лет девятнадцати, спросила у Виолетты ее имя. Затем сказала, что от Сурикова и протянула сложенный вчетверо лист бумаги.

Виолетта пробежала взглядом тезисы и расстроилась. Обида слегка сдавила горло. Это была не речь. Это были наброски предложений, которые с легкостью подошли бы к любому произведению. Человек, который написал эти строки, не читал роман. Это были штампы, заготовки, вода. Но обидело девушку другое. На миг, но все же отчетливо, она почувствовала себя таким же инструментом. Она попала на конвейер, она не первая и уж точно не последняя. С этим текстом сотни новоиспеченных писателей поднималась к микрофону.

Она ничем не лучше автора. Она лишь последующая шестеренка в огромном механизме выкачки денег. У нее своя роль, быть может, немного ярче, но все же эпизодическая.

Виолетта вздрогнула. Мотнула головой, сделала несколько глубоких вдохов. Это все мать с ее пессимизмом, — успокаивала себя девушка. Она выйдет и скажет свои слова, ей не нужны эти пустые словосочетания. Она найдет, что сказать оригинального, чтобы каждый в этом зале захотел прочесть ее роман. Именно ее! Она твердо решила, что теперь роман ее.

У меня все получится, я главная на этой церемонии! – произнесла девушка вслух.

Виолетта шагнула вперед, прошла к дверям. Народ медленно вливался в двери здания. Девушка миновала холл, остановилась возле дверей в зал театра. Оглянувшись, Вадима нигде не было, она вошла в зал. Прошла к сцене и села в первом ряду на место с ее фамилией.

Церемония началась. Ее очередь была последней. Она наблюдала за действием. Удивлялась радости конкурсантов, кривилась от благодарственных речей, и чем ближе был конец награждения, тем меньше у нее оставалось оригинальных слов.

Та речь, которую она прокручивала в голове, теперь выглядела еще более заезженной и унылой чем список штампов на сложенной бумажке. Ей нечего было сказать залу. Она не знала, что сказать толпе за ее спиной, чтобы вызвать интерес к ее книге. Она с ужасом ждала своей очереди и даже сразу не поняла, когда назвали ее имя. Ее имя...

Виолетта вскочила, глубоко вздохнула и пошла на сцену. Ведущие объявили какого-то заслуженного писателя страны, фамилия которого Виолетте была не знакома. На сцену вышел седобородый мужчина с обритой наголо макушкой.

Мужчина был одет в черные штаны от «армани», туфли «гуччи», а вместо рубашки на нем красовалась вышиванка. Писатель подошел к микрофону, и минуты две восхвалял организаторов за сам конкурс и приглашение быть в членах

жури. Затем он перешел на Виолетту и долго говорил о том, что он спокоен за национальную литературу, если в стране растут такие молодые писатели как она.

На сцену вышла девочка лет восьми, неся диплом победителя и букет слегка увядших роз. Мужчина взял подарки из рук девочки и подошел к Виолетте. От литератора пахло потом и перегаром. Он вручил девушке диплом, букет цветов, который уже кроме как на гербарий никуда не годился, и смачно поцеловал победительницу в губы. У Виолетты закружилась голова. Зал ждал банкета, от которого его отделяла лишь только речь девушки.

Осознание того, что она является барьером на пути к веселью всей этой толпы любителей литературы, выбило остатки собственных слов из головы девушки. Она, запинаясь, произнесла первый штамп из списка. Аудитория молчала. Виолетта готова была поклясться, что слышала урчание животных у зрителей в первом ряду. В последних рядах началось оживление, а самые голодные потянулись к дверям.

Она произнесла еще два штампа и поняла, что ее сейчас убьют, и первым будет тот литератор, что стоит рядом. Виолетта выпалила слово спасибо, слегка поклонилась и быстро ушла за кулисы. Кто-то тряс ее за плечо, кто-то улыбался в лицо, кто-то говорил какие-то поздравления. Виолетта тянула улыбку, кивала по сторонам и пыталась найти выход.

Чьи-то руки уверенно схватили ее за локоть и повернули к себе. Это был отец, он широко улыбался, держа дочь за

плечи. Рядом стоял Суриков, тер свои маленькие ладошки и ждал, пока родственники обменяются впечатлениями.

– Что теперь? – Виолетта обратилась к редактору.

– Сейчас я вас отведу в комнатку, вам выдадут премию, а вы передадите ее мне! Нужно оплатить речь вашего награждителя, и по мелочам. Диплом можете оставить себе, цветы выбросьте вон в ту урну!

Девушка готовая к любому повороту событий снова поймала себя на том, что не готова к такому цинизму. Механизм работал, работал с невиданным КПД в сто процентов.

– Пойдем, – толстяк даже не ждал ответа.

Он лихо развернулся и уверенно зашагал в темноту закулисного пространства. Виолетта шла за ним, замыкали шествие отец и его охрана.

Она выполнила все, как велел Вениамин Павлович. После он провел их в банкетный зал, а сам удалился раздавать дань.

Ведя коридорами театра Виолетту, коротышка хвалил ее за то, что она урезала речь, хорошо держалась и не сказала ничего лишнего от себя.

– Теперь, – продолжал он. – Предстоит самое простое. Сейчас на тебя нападут журналисты. Корчить звезду не надо. Говори то, что написано на бумажке своими словами. На конкретные вопросы, когда книга появится на прилавках, отвечай размыто и говори, что ждешь предложений от издательств. Если спросят, что навеяло сюжет, придумай что-то!

Суриков бросил хитрый взгляд на испуганное лицо де-

вушки и улыбнулся.

– У тебя получится, – подбодрил он. – Главное запомни, что скажешь в первый раз, и в следующие говори то самое. Ну в принципе все. Побудете пол часа под обстрелом и можете ехать домой. Все! Сегодня мы больше не увидимся. Я позвоню. Вам туда.

Толстяк махнул рукой в сторону неприметных дверей в конце коридора, а сам свернул направо.

Николай долго смотрел на экран телефона. Несколько строк сообщения с неизвестного номера сообщали о том, что он приглашен на церемонию награждения литературного конкурса. Год назад Николай послал туда свой сценарий и оказался в числе номинантов, премии так и не получил, но теперь его приглашали разделить радость победы других счастливицков.

В чем он сомневался? Сомневался в том, а нужно ли это ему? После сделки он не написал и слова. Не было даже желания. А если нечто подобное зарождалось в нем, он давил это в зародыше. Ему трудно было сознаться, но на каком-то подсознательном уровне, он решил больше не писать.

Дело было даже не в деньгах, дело было в том, что он осознал, что той мизерной части его таланта не хватает для того, чтобы стать писателем. Он решил направить усилия на что-то другое, полезное. На что-то, в чем он может преуспеть.

Например, программирование.

А почему бы и нет? Ведь когда-то у него получалось. Получалось. Николай поймал себя на том, что до сих пор таращится в потемневший экран мобильного. Что он будет там делать? Зачем ему это?

А что делать дома? Сидеть и смотреть в экран монитора? Или в который раз изучать неровности на потолке. Николай встал и решительно оделся. Уже в дверях он в очередной раз подвергся внезапному желанию остаться дома, но все-таки он туда поехал.

Николай сел в задних рядах и ничто, как говорится, не предвещало беды. Церемония шла своим ходом, дипломанты извергали пафос, начинающие вокалисты мучили публику между номинациями, отработанная схема была в действии. Оставалась последняя премия – победитель в номинации лучший роман.

Николай напрягся, решив, что как только скажут имя победителя и название произведения, он встанет и уйдет. Почему? Потому что он сидел в самом краю ряда, а так как большинство людей находилось здесь только ради бесплатного банкета, то это грозило парню отдавленными ногами.

Ведущие затягивали интригу с мастерством второклассника забывшего текст стихотворения. Вот на сцену вышло недоразумение в черных классических штанах от модного модельера и в вышиванке. Мужчина затянул, как ему казалось, увлекательную речь. Николай уже подумывал встать и

уйти, а победителя узнать из интернета, но в этот момент тип в вышиванке достал листок из конверта.

Когда объявитель произнес первое слово из названия романа, Николай почувствовал, как перехватило дыхание. Перехватило не так как перехватывает, когда катаешься на качелях, и не так, когда включаешь свет, а твои друзья кричат сюрприз. Николаю словно сжали горло, сжали невидимой, но от этого не менее сильной рукой. Сжали так, что любое глотание приносило боль. Затем тип в вышиванке произнес имя автора, и у парня скрутило живот, тупая боль отдавала в пах. Он прикусил губу, чтобы не вскрикнуть.

Затем на сцену поднялась она. Автор тридцати тысяч слов, купленных за гроши. Она говорила слова благодарности, слова чужой благодарности за оценку чужого произведения. Девушка закончила говорить и ушла за кулисы. Грохнули аплодисменты, а из глаз парня брызнули слезы. Слезы боли, обиды и отчаянья. Он не мог их контролировать, он не мог их остановить, он сидел и плакал, а по его ногам люди спешили на бесплатный банкет.

Он уходил из зала последним, вместе с группой последнего исполнителя, которому выпала дурная фишка петь после слов объявления победителя. Зал был пуст. Где-то внизу звенела посуда, и воняло едой. Николай поднялся на ватных ногах и зашаркал к выходу.

Зал гудел как улей. Нет, Николай выбросил из головы это заезженное сравнение. Зал гудел, как рой мух над свежей

кучей дерьма. Люди толпились возле столов раздачи, толкались, опрокидывали друг на друга напитки и тарелки с закусками, выплевали на пол не понравившиеся блюда, и обсуждали литературу.

Девушка, купившая его произведение, стояла в стороне от столов и давала интервью журналистке, которая пыталась запихнуть в рот бутерброд, украшенный завядшей петрушкой. Огромным желанием было подойти к ней и перед глазом видеокамеры назвать ее лживой сукой, укравшей у него роман. Прокричать в объектив, что это он автор, что ему принадлежат эти тридцать тысяч слов, что он родил эти строки, что он продал их за копейки...

– Блин да осторожнее, девушка, – услышал Николай совсем рядом.

В метре от него, с огромным пятном от майонеза на черной футболке стоял высокий парень.

Высокий худой парень со светлыми волосами и взглядом полу вождя полу наркомана. Огонькам, которые горели в его бледно-голубых глазах, не хватало мощи, чтобы увлечь толпу за собой, а паволока любителя наркотиков была чересчур плотная, чтобы сказать, что человек попробовал их впервые. В общем, этот парень мог организовать небольшой клуб по интересам, но влиять на большую массу народа он не мог.

– Да пошел ты, – отвечала девушка на высоких каблуках с неумело наложенным макияжем.

– Хамка с размазанной помадой, – отрубил парень.

Девушка открыла рот для ответного оскорбления, но ее разум осознал полный смысл фразы. Язык нимфы застыл на полуслове, и дама умчалась в туалет приводить себя в порядок.

Николая позабавил ход незнакомца, и он протянул ему напечатую упаковку салфеток. Тот недоверчиво глянул на парня, но салфетки взял.

– Благодарю.

– Любите литературу или все же бесплатный буфет?

– Богема недоделанная, – огрызнулся блондин.

– Значит буфет, – улыбнулся Николай.

Он снова смотрел на девушку дающую интервью. Попытался читать по губам, но не получилось.

– А ты чего тут? – блондин перешел на ты.

Он вытер майонез и скептически разглядывал огромное жирное пятно.

– Да так, когда то увлекался...

Николай замолчал.

– И?

– И понял, что не мое.

– Бывает. А я тут с девушкой. Она увлекается до сих пор, вернее делает вид, что увлекается.

– Делает вид? – Николай удивился.

Незнакомец понял, что сказал лишнее.

– Я Вадим, – блондин протянул руку.

– Николай.

– Вадим, мы тебя потеряли.

К блондину подошел толстый парень в сопровождении двух девушек.

– Это Николай, – представил Вадим. – Мое чутье редко меня подводит, и сейчас оно говорит, что в нем бьется свободлюбивое сердце.

Николай наморщил лоб.

– Это Вася, Мэри и Катерина! – продолжал парень. – Можем компанией выпить пива?!

Николай пожал плечами. Он посмотрел на девушку и репортеров и спазмы с новой силой сжали его горло.

– К сожалению, сегодня не смогу, есть еще пару дел.

– Жаль, – ответила рыжая девушка.

Вадим только хохотнул. Николай пожал плечами и краем глаза заметил недобрый взгляд Василия. Странная компания, – мелькнула мысль в его голове.

Николай отошел в сторону. Выйти из зала, не пройдя мимо Виолетты и нескольких репортеров, было невозможно. Николай опустил голову, как можно ниже и направился к дверям.

Столы с едой пустели, заканчивалось пиво, а вместе с ними редела публика. Подойдя к дверям, парень оказался в небольшом заторе. Любители литературы с крошками на вечерних платьях и пятнами майонеза на галстуках толпились возле узких дверей. Николай маленькими шасками продвигался к выходу. Виолетта стояла в метрах трех и севшим го-

лосом отвечала на избитые вопросы репортеров. Репортеров было немного, но вели они себя вяло, то ли из-за большого количества бесплатных бутербродов в желудках, то ли из-за неименитой писательницы.

– У вас оригинальное название романа, – говорил репортер. – Сразу и не поймешь то ли намек на пикантные темы, то ли кулинарную книгу. В произведении много секса?

– Не больше чем в жизни, я вообще старалась меньше украшать и преувеличивать, это можно сказать собирательный образ людей, а временами мой собственный.

– А что тут вообще было? – вещал голос малолетней дивы с другой стороны от Николая.

– Кажется презентация какая-то, вроде нового книжного магазина, – отвечала подруга дивы, стараясь не уронить на себя остатки бутерброда.

– Для писателя труднее написать второй роман, так как первый часто, как и в вашем случае, является автобиографичным? У вас есть новые задумки? – спрашивала репортерша в нелепых очках.

– Та ну, какая презентация, она бы в самом магазине происходила, а тут театр тупо сняли, – девушка сбоку.

– После любого хорошего дела, когда оно получилось, в душе, если вы меня понимаете, образуется некий вакуум. Я как раз в таком периоде, сейчас еще рано говорить о новых задумках, но кое-что есть...

– А тебе не все ли равно, поели, попили, гы, мужика кет-

чупом вымазали.

Николай больше не мог сдерживаться, он оттолкнул какого-то парня с четырьмя открытыми бутылками пива и вышел на улицу. Тяжело вдохнул, унял тошноту и зашагал в сторону остановки. На следующий день он поехал в книжный магазин.

Девушка с рыжими волосами долго перебирала телефонную книгу в мобильном. Подруга со стаканом лимонада развалилась в кресле и листала каталог косметической фирмы.

– Кому звонить собралась? – Катя медленно переворачивала страницы.

– Димке, – огрызнулась Мэри.

– О-о-о! – многозначительно протянула девушка. – Ща наслушаешься.

– Ага, – обреченно ответила подруга.

Она долго смотрела на запись с именем брата и решилась. Трубку взяли на третьем гудке.

– Привет, Димка! Как делишки?

Из трубки веяло напряжением собеседника.

– Что опять случилось? Что надо?

Начальник охраны Соломахина не любил разговаривать с сестрой по телефону. Это было сродни приобретенным инстинктам. Каждый разговор заканчивался если не мордобоем с очередными обидчиками младшей сестренки, то хоро-

шим скандалом с угрозами все рассказать матери, чем ее любимый сынок, призер соревнований по рукопашному бою, отличник боевой подготовки, занимается вдали от родного села. Конечно, мать знала, что ее чадо уже начальник охраны у крупного бизнесмена, вот только она не догадывалась, что обязанности сына распространяются далеко за обычное оберегание покоя влиятельного человека.

Сестра, которую именно он вытащил в город, и он же устроил на заочное в новомодный колледж, быстро поняла, чем занимается брат. И теперь при каждом спорном вопросе, она доставала из рукава свой козырь. Конечно Мэри, а в родном селе Машка, понимала, что долго этот козырь не продержится, что рано или поздно брат найдет, чем крыть эту карту, но пока использовала его при любой возможности.

– Вот видишь какой ты! Сразу – что надо? А может я просто позвонила узнать как дела у брата? Может быть такое?

– Не может! За двадцать пять лет ни разу не позвонила, а тут вдруг надумала? Что надо?

– Мне нужны деньги!

– Иди работай!

– Ха-ха, очень смешно! Я серьезно! Мне нужно пять тысяч долларов!

– Сколько? – трубка закашляла в ухо Мэри.

– Пять тысяч!

– Сестренка, я же их не рисую!

– Для тебя это чепуха!

– Как вы все любите чужие деньги считать! Что сиськи решила сделать?

– Вот почему у всех братья как братья, а мой такой козел?

– Ну, значит, и деньги тебе будут, как с козла молока, – хохотнул Дмитрий.

Пора было использовать козырь, но Мэри решила, что тогда это будет выглядеть как явное вымогательство. А для вымогательства было рано, она пошла другим путем.

– Ну, Дима-дима-дима-димасичек! Ну, пожалуйста, для любимой сестренки. Катя едет отдыхать, и я хочу с ней!

– Так вам штуки в Крыму с головой хватит, хотя нет, твоя Катька так жрет, что и трех будет мало, – Дмитрий заржал в трубку.

Мэри отнесла телефон подальше от уха, и перекривила брата. Катя, наблюдавшая за разговором подруги, только покачала головой.

– Митя, Митюша, не будь букой!

– Так, Машка, во-первых, не называй меня Митюшой, а, во-вторых, денег нет!

– Видишь, какой ты, как на телок просырать за неделю по пять косарей так можешь, а как сестренку на море отправить так жаба давит!

В трубке послышалось сопение.

– Дима, ну дай денег, и я до конца года не буду тебя ни о чем просить!

Сопение стихло, предложение было чересчур заманчи-

вым. Сейчас июль! Почти пол года тишины и спокойствия. Риск кидалова, конечно, велик, но рискнуть можно! Эти мысли пронесли в голове Дмитрия.

– Пять штук? – спросил он.

– Всего пять!

– И до конца года я про тебя не услышу?

– Ну что значит, не услышишь? Я ведь сестра твоя! Просить денег больше не буду!

Мужчина снова засопел! Пять штук! Деньги в принципе не большие, но, а если пообещает и через неделю снова позвонит? А если нет?

– Хорошо, – сдался брат. – Завтра в «Гранате» пообедаем, деньги там отдам, только Катку не бери, а то жрет много!

– Это не обещаю! – Мэри хохотнула и быстро нажала отбой.

– Ха-ха! – девушка захлопала в ладоши. – Деньги наши, ура-ура-ура!

– А этого хватит? – насупилась Катерина.

– Перелет туда обратно пусть полторы, нас двое, остается две штуки, а я в интернете смотрела там с такими бабками год жить можно.

– А мы разве не навсегда туда летим?

– Зачем навсегда? Покупаемся, бананов поедим, кокса понюхаем вдоволь и домой к борщу и пампушкам.

– А как же Вадим, его общество?

Мэри внимательно посмотрела на подругу, та была абсо-

лютно серьезной.

– А ты что реально хочешь там остаться?

– Конечно, я думала и ты останешься! Ведь это новая жизнь, это новый мир, мы дадим жизнь совсем другому поколению...

– О-о-о-о-о, – Мэри замахала руками. – Ты в это веришь?

– А зачем ты с ним тогда?

– Ну, тот толстый на меня запал и парень при делах. Ума он не большого, поэтому можно подоить его немного. Да и вместе веселей на Кубу слетать! Может даже поживу с вами, попробую.

Катя снова уткнулась в каталог.

– Катюха, ты чего?

– Я думала ты с нами!

– Я с вами, просто мне надо немного больше времени. Я должна точно знать, что и как!

– Вадим расскажет, он знает, – оживилась подруга, глаза загорелись.

– Хорошо, завтра получим деньги и еще раз с ним поговорим.

Катя оживленно закивала головой, лицо светилось радостью.

С того момента он не написал ни слова. Словно маленькие человечки, которые до этого дня снабжали его идеями,

обиделись и ушли. Да, он продешевил, он разменял их труд на пригоршню медяков, и они обиделись. У них, в отличие от него, еще была гордость. И вот он остался сам. А мыслей не было. Не было идей, не было сюжетов, не было даже желания писать. Словно эти человечки вынесли все, вплоть до завалявшейся банальности. Оставили пустой голову и выпустили лень.

Даже водка с травой были тут бессильны. Первая не рождала идей, а только головную боль и тошноту. А вторая множила лень, а в мыслях появлялось все кроме сюжетных линий.

Он удалил электронную часть книги с литературных сайтов. Удалял быстро без сожаления. Долго держал палец над кнопкой delete, пытаясь заставить себя удалить написанное в компьютере и не смог. Это было глупо и противоречило контракту, но он не смог. Это было его чадо, его создание, его часть. Это было сродни, как отрезать у себя часть тела, потому как тот текст был продолжением его. Да пусть написанное было от имени девушки, но чувства – нечто бесполое.

На тот момент он чувствовал именно так, и это родило те тридцать тысяч слов. Было ли это интересно и ново решать не ему, но людям нравилось. Нравилось не только знакомым и друзьям, но нравилось и совершенно незнакомым людям, читавших его произведения в интернете. Они находили ошибки, указывали на стилистические ошибки, но каждый просил концовку, которую он специально не размещал

на сайтах.

Каждый, кто писал ему, сознавался, что написанное вызывает двойственные чувства, но дочитать просили все. Он высылал окончание, и никто не пожаловался на время потраченное впустую.

И что теперь так мучило его? Малая сумма? Он прожил до сегодняшнего дня без этих денег, что мешает ему жить и дальше без них? Тогда что? Николай просыпался и засыпал с этим вопросом. Что такого случилось, что лишило его покоя?

Он отрекся от себя! Да, он поверил словам редактора! Он признал себя посредственностью, извергающей на бумагу банальности и штампы. У него не хватило духу отстоять свои слова, часть себя самого. Он позволил под собственными мыслями поставить чужое имя. Он предал себя сам. И предал за гроши.

Именно это терзало Николая. Именно это не давало ему писать снова. А еще он начал ждать.

Это была мания. Мания, которая крепчала в нем с каждым днем, и которую он боялся. Каждую неделю он приезжал в крупнейший магазин города и спрашивал у продавца об одной книге. Продавцы сверялись по базе, пожимали плечами, но про такую книгу не слышали. Николай не уходил. Он заходил в первый ряд книг и просматривал корешки с названиями. Просматривал полку за полкой, шевеля губами и неестественно выгнув шею.

Сначала он просматривал стеллажи с современной прозой, на это уходило от двух до трех часов. Просматривал тщательно, некоторые полки с пестрыми корешками он изучал по два раза, с лева направо и справа налево. Уезжал домой, но, уже выйдя из магазина, ждал тот день, когда сможет вернуться сюда.

Он ждал этого дня всю неделю, как наркоман ждет очередной дозы. У Николая появилась зависимость. Каждую субботу он стоял под книжным и входил сразу же за продавцами. Они узнавали его. Крутили пальцем у виска, проверяли базу и пожимали плечами. А Николай шел изучать полки.

Потому что любой может ошибиться, – думал он. – Книга попала в магазин, кто-то поставил ее на полку, а в базу не успел занести. И вот она стоит там одна, и никто про нее не знает.

Однажды он проверил последний стеллаж с современной прозой. Книги не было. Николай направился к выходу и, проходя мимо полок с исторической литературой, встрепенулся. Он не сразу понял, что заставило его остановиться. Он вернулся на два шага назад и уставился на книги.

Книги как книги. Много книг. Много разных исторических книг. Парень склонил голову на левое плечо и стал читать корешки. Между книгами «Батый» и «К последнему морю» стояла она – «Удушье» Паланика.

Николай вздрогнул. Зажмурился, мотнул головой и медленно открыл сначала правый, а затем левый глаз. Книга не

исчезла. Даже название стало четче. Как Паланик попал в историческую литературу? Кровь прилиwała и отходила от лица.

Мозг родил догадку, что, быть может, какой-то посетитель хотел купить эту книгу, но на пути к кассе передумал. Ему было лень возвращаться и блуждать лабиринтами стеллажей, чтобы вернуть Паланика на место, и он вставил его сюда. В пустое место на полке с исторической литературой.

А если нечто подобное произошло и с его книгой? С его мыслями, от которых он отрекся. Если кто-то всунул книгу в стеллаж с исторической литературой, или кулинарной, или детской...?

Николай почувствовал, как у него задрожали руки. Нестерпимое желание разрыдаться подступило к горлу. Он посмотрел в бесконечный коридор стеллажей, и у него закружилась голова. Первым желанием было бежать из магазина, он даже дошел до дверей, но, взявшись за ручку, остановился.

Секунду он сомневался, а затем вновь встал к первому стеллажу. Да, потому что за это время пока он думал о своем, кто-то из посетителей мог поставить нужную ему книгу на уже просмотренную ним полку.

Из магазина его попросили уйти за пять минут до закрытия. Он успел просмотреть все, но только лишь один раз. В воскресенье он снова был там.

Встречи с троицей примкнувших, как называл их Вадим, начинали раздражать Виолетту. Все происходило по одному сценарию, они собирались впятером в каком-то кафе или просто на лавке в парке и что-то пили. Затем кто-то спрашивал про Кубу, и Вадик затягивал одну и ту же песню об острове. И чем больше он говорил об этом, чем красочнее расписывал будущее поселение, тем большее отторжения оно вызывало у Виолетты. А бывали и такие дни, когда ее начинало тошнить в физическом смысле от разговоров о бунгало и купании голышом в атлантическом океане.

Каждый раз перед встречей она клялась, что если Вадим снова начнет говорить о Кубе, она встанет и уйдет, и каждый раз она слушала до конца. Была ли тому причина огонек в его глазах, или же интерес, который он проявлял к этой толстой корове Катьке, Виолетта не знала. Но оставлять своего парня наедине с этими двумя доярками не собиралась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.